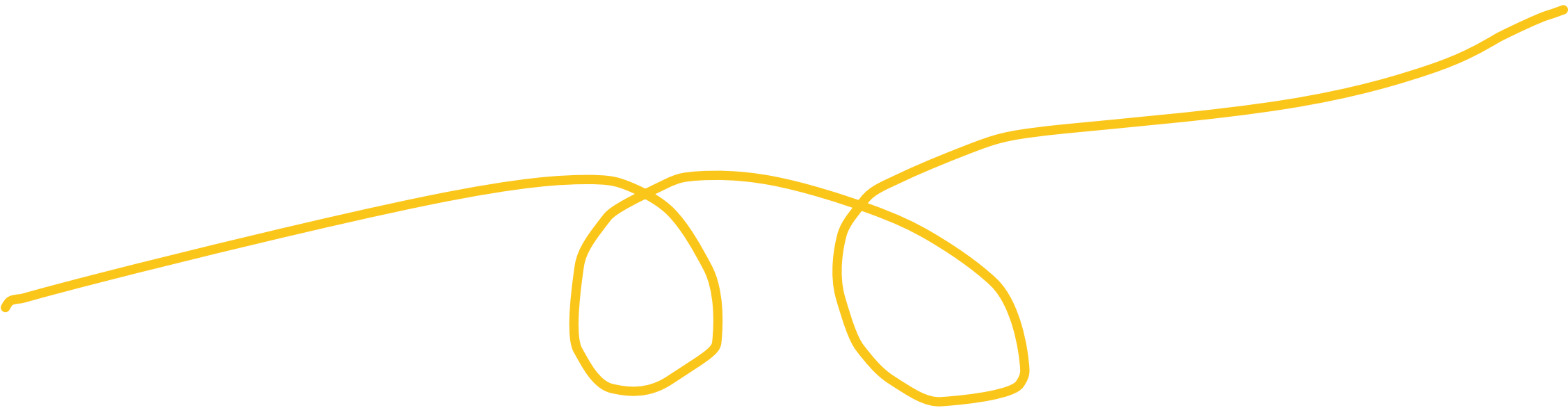
Анахрон

Альманах современной поэзии

Анахрон

Сириус 2026

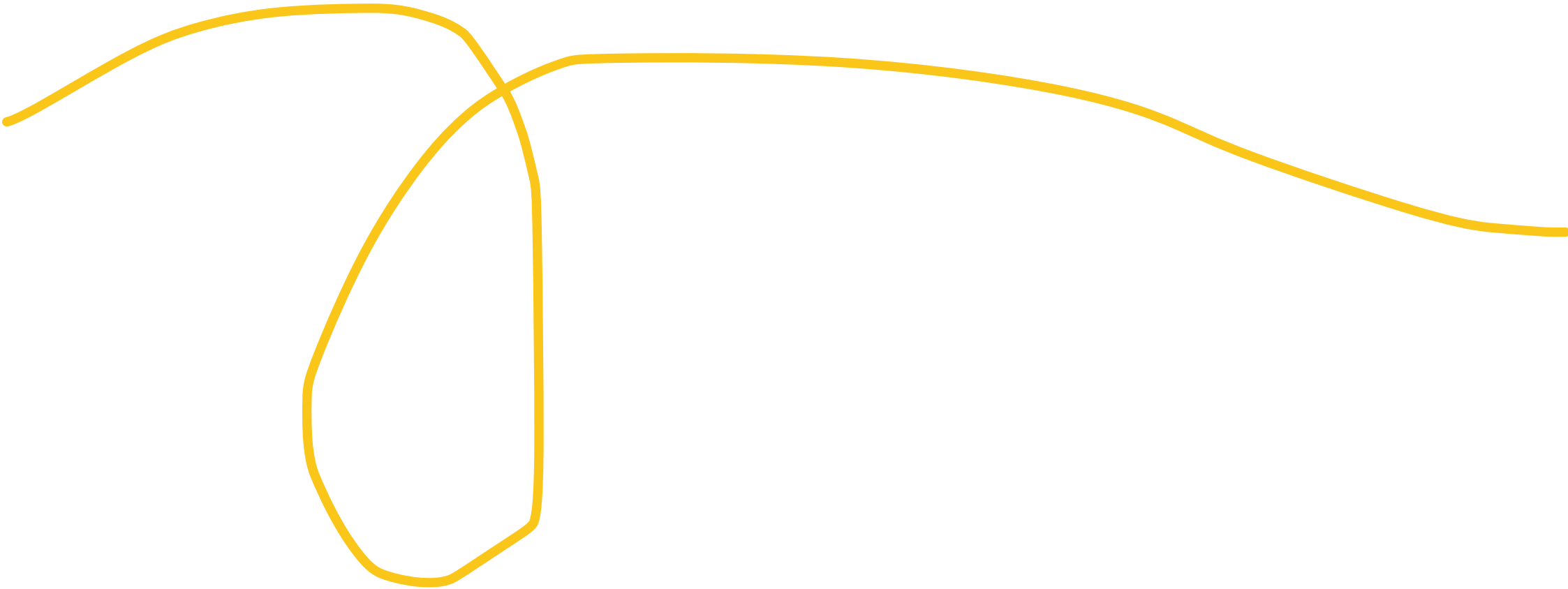

«Река времён в своём стремленьи

Уносит все дела людей»

Г. Р. Державин

Содержание:

Вступительное слово 9
“Одиссей не вернулся…” Арина Кабанова 11
“На печальную нашу Колхиду…” Мария Жолобова 13
“Благородный вы газ, а я – нет…” Кирилл Иванов 14
“Время-весит-меньше-грамма” Анастасия Арцибашева *рецензия* 15
“Искусство так называемое” Мария Жолобова 20
“Скоро и ты…” Варвара Рыбина 21
“волнение соучастия…” Злата Шипунова 22
“ФИНАЛ...” Елизавета Головина.....23
“Серафим и Дама” Мария Жолобова..... 24
“Смысл” Варвара Рыбина 25
“Коркой еще не покрытые…” Мария Жолобова 26
“Горѣ имѣимъ сердца” Арина Балакина 27
“Не выжили…” Варвара Рыбина 28
“Я не военный потомок славян, я всадник весенней земли”: Боян и его песни из “Всадников”
Виктора Сосноры” Мария Попова *рецензия* 29
“Ополченцы к пэру” Кира Поспелова.....33
“The soldier” Алиса Поленович.....36
“Найти свой путь бывает сложно” Ксения Валькова.....37
“лик...” Арина Жигадло.....40
“Утро Творца” Максим Вотинцев.....41
“Логос” Елизавета Бражникова.....42
“Мика Морозов” Елизавета Головина.....45
“Тугое яблоко на блюдце...” Елизавета Диденко.....46
“волнение...” Елизавета Головина.....47
“Восстанут из чёрных глубин твои волны...” Максим Вотинцев.....48
“Море” Алиса Шаймуратова.....49
“В Адлере дожди...”, “Пики Дальних гор...”, “Море из свинца...” Арина Чернецкая.....50
“медленно...” Юлия Курицына.....51
“Постоянство памяти” Снежана Майшева.....52
“Море волнуется раз и навсегда” Арина Жигадло.....53

“На ярко-красном полотне...” Алиса Шаймуратова.....54
“оценки...” Юлия Курицына.....55
“Обращённый назад” Кирилл Иванов *обзорная статья*.....56
“Утро в сосновом бору” Лилиана Миниахметова.....60
“Оно представляется нам бесконечным...” Арина Жигадло.....63
“Чёрный квадрат” Кирилл Иванов.....63
“Победа над солнцем” София Колеватова.....64
“Воздушные петли “Медных спиц”” Лилиана Миниахметова *рецензия*.....66
“это...” Анастасия Арцибашева.....68
“Переломный момент” Снежана Майшева.....69
“Переступая границы” Арина Жигадло *рецензия*.....70
“Мёртвая петля” Елизавета Головина.....73
“Голос на рубеже веков” Юлия Лаврова *статья*.....74
“Под конвоем тишины” Лилиана Миниахметова.....77
“Траур...” Максим Вотинцев.....78
“античная...” Юлия Лаврова.....79
“Как дети” Кира Поспелова.....80
“Второе рождение А. Цветкова: раннее и позднее творчество” Юлия Курицына *статья*.....82
“Город, который снится” Лилиана Миниахметова.....85
“хотелось...” Алиса Шаймуратова.....86
“Искусство для искссства...” Снежана Майшева.....87
“Мы были списаны в утиль, а оказались солью мира” Алиса Шарапова.....88
“Размышления из подвала” Виктория Бирюкова.....91
“сушка...” София Колеватова.....94
“на обед...” Варвара Рыбина.....95
Анаграммы.....96
Заключительное слово.....99
Создатели.....100

Вступительное слово

Вам предстоит эстетический эксперимент по перемещению во времени. В литературе оно течёт по особым законам, а жизни художественных произведений исчисляются годами, веками, тысячелетиями. Анахрон — это небольшое устройство для путешествия по линии хронологии.

Наш альманах поэзии построен по принципу движения от текстов с флёром старинной эстетики к произведениям, в которых звучит современная лексика и используются хлёсткие, злонасущные образы. Таким образами становимся и мы в анаграммах. Находим поэтическое в формализованном (блэкауты), воспроизводим изобразительное в словесном (экфрасисы). Творческий диалог создает условия для существования искусства и жизни художественного текста, являющегося исполинским наслоением смыслов.

Поэтому мы — поэты/ ценители/ рецензенты etc. (нужное подчеркнуть) являемся прежде всего читателями, невольно или осознанно вступающими в диалог с авторами.
Не искушайся, читатель, клеймить стихотворения «актуальными» или «архаичными» — все они по-своему современны. А история — время — всех рассудит.

Мы — словолюбы, словотворцы — обращаемся к прошлому и глядим в будущее. Все истые творцы — анахронны, цикличны, а значит вечны.
Запускайте маховик, открывайте альманах произвольно и отправляйтесь в путешествие по времени!
Bon voyage!

«Пока мы говорим, уходит время злое:

Лови текущий день, не веря в остальное»

Гораций

***

одиссей не вернулся.
ни пространство ни время
не существуют в бесконечном море
где плавает плот
деревянный разбитый
где плывет колумб
наглый небритый
где столб дыма от корабля
видит и морщится от запаха сцилла.
одиссей не вернется.
не вернется ахилл и патрокл и все
кто когда-либо знал что такое война и троя.
моря огромные волны — посейдонова воля —
утопят память. никто не помнит
какого цвета были глаза воинов.
их больше нет. их не помнят.
их
нет.

одиссей не мог вернуться —
гомер ошибся вселив надежду
пенелопа доткала саван одиссееву одежду
телемах вырос забыв отца.
итака встретила
нищего в рубище
лишенного личности
забывающего
любящего утаивающую душу
и плачущего у шипящих волн.
одиссей остался у стен трои
навсегда.

Арина Кабанова

И вот мир из «точки Бога» развернулся в
«красоту-мироздание»
В. Розанов
«Апокалипсис нашего времени»: глава Religio

На печальную нашу Колхиду
Не идут корабли на вёслах,
Молнии шлёт не Зевс.
Панихиду никто не служит,
Кровоточат от плача дёсны,
Капает яд с небес.
Разворачивался в кривую
Красоты-мирозданья круг.
Мне противно: двуног, двурук,
Но таких же других ревную.
Помолчи помолись помяни,
Кожу неба разъела язва,
Даже в небе теперь темно,
Грязно.

Мария Жолобова

***

«Благородный вы газ, а я – нет», —
Для неловкого хлада мечтаний
Безнадежный и скучный ответ.
В нём отдушин не будет. Сияньем
Мне явились друзья полуночны:
Дьяволица рыжа, дьяволица!
И лютнист — лиротворец порочной
Истой музыки; чёртовы лица
Призовут — мировая угроза.
Я проснусь и умру. Паралич
Закует, и проникнется прозой
Сердцевидная мышца. Обличья
Голосят сладкозвучным убивцем:
«Для чего ты таким уродился?
О невнятный, премалый. Денница
Проклинает бесславных». Стелился
Предрассветный мой сон.
Я один; опьянен.
Дьяволица, лютнист преинертны.
Одиночество, черти и терны.

Кирилл Иванов

Анастасия Арцибашева

«Время-весит-меньше-грамма»

рецензия

Азарова, Н. Цветы и птицы — М. : Логос-Гнозис, 2006.

По названию кажется, будто автор будет говорить лишь о красоте природы. Однако так ли это — или перед нами аллегория? И если да, то аллегория чего?

Сборник «Цветы и птицы» посвящен осмыслению и визуализации ветви китайской живописи Хуаняо (дословно «цветы и птицы»). Жанр зародился в древности (около IV-III тыс. лет до н. э.) на юге Китая. Его цель — передать состояние души и мировоззрение человека посредством символического изображения природы. Ценность заключалась в гармонии между образами и мыслями художника, переданными

иносказанием. Мастер создаёт новую реальность, пропуская через себя и трансформируя старую. В свои стихи Азарова интегрирует живопись для попытки выражения невыразимого словами. Традиции Китая имеют большое значение для поэтессы, ведь она — переводчица с китайского языка и близко взаимодействует с культурой страны.

Одна из наиболее примечательных сторон сборника — формальная. В визуальной поэзии смысл создается не столько словами, сколько их расположением.

Например, стихотворение «очень пти-...» имеет символическую форму птицы:

очень пти-
чей мелкий ще-
будто в мобильной тру-
бег в город
пичуги

Этот текст о том, как трудно уловить живое. Обрывающиеся строки, дефисы, сдвиги слов — все это создает ощущение спешки, попыток поймать что-то, что всё время ускользает. Благодаря форме стихотворение само становится птицей — быстрой, неуловимой.

В других стихотворениях поэтесса прибегает к форме диалога:

– как бы отковыряться
отлупиться
от
жизни-лубка́

паломой
голубкой вылупиться
враскачку-лапки
по палубе
облаками начищенной?

– б(е/о)га
не ускоряй: птица
появляетца
в цатых
числах

Автор предлагает читателю самому достроить стихотворение так, как он чувствует. Выбрать «бега» или «бога» может означает определить — верить в высшие силы или надеяться лишь на себя. Поэтесса также предлагает вариативность в контексте чисел («в цатых числах») и оставляет нарочито большой пробел перед «цатых». Она не говорит о том, что все столкнутся с каким-либо явлением в одно время, наоборот, она дает пространство и свободу каждому вписать собственные даты, говорит: «Не ускоряй бега или бога — все идет своим чередом.»

Однако такие приёмы порой оборачиваются обессмысливанием: читатель рискует не достроить текст, а просто потерять его смысл.

В каждом стихотворении цикла Азарова упоминает цветы и птиц — порой вскользь, не прямым текстом, но упоминает. Таким образом она показывает связанность всего живого. Речь идёт о жизни в целом. Одно не может существовать без другого. Всё равноценно и равнозначно.

«или
цветов не найду вовсе
ну и
птиц тогда не услышу»

Помимо поэзии в сборнике присутствуют работы художника Алексея Лазарева, супруга поэтессы. Его картины работают как визуальное продолжение стихов Азаровой. Точно так же, как поэтесса ломает и перестраивает слово, он ломает изображение, оставляя лишь пятно цвета, намёк. На первый взгляд, картины абстрактны, но стоит убрать хоть одну деталь — и они меняются. Они создают то же ощущение, что и стихи: смысл будто совсем рядом, но всё время ускользает.

И, если мы говорим о перестройке слов, стоит привести в пример стихотворение:

«оставь
оступись
и пусть
станет птением
пением тени
сонная опись птиц оперения
солнцем остужена в жуть
(в цвете есть перья)»

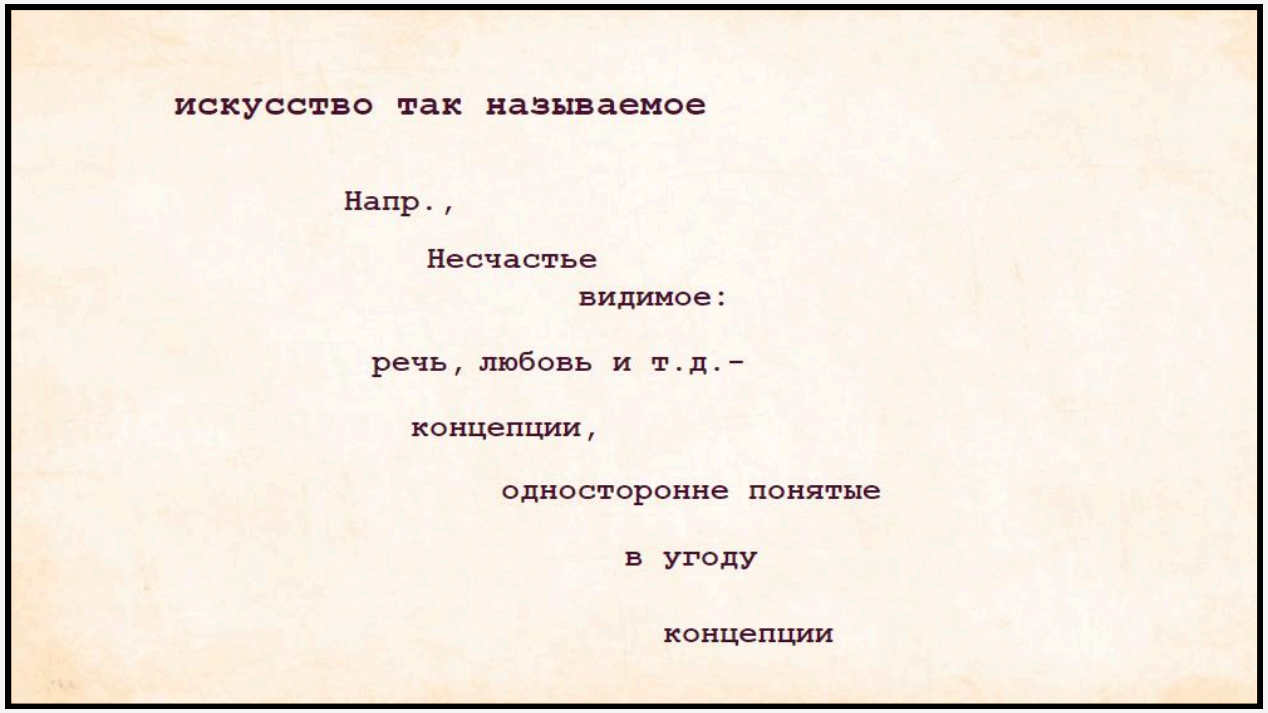

«Птение» — неологизм, означающий «пение птиц». Такое словесное образование снова доносит идею связанности всего живого. «(в цвете есть перья)» — двусмысленность фразы заставляет задуматься о двойственности всего мира. Сначала что-либо может предстать в позитивном ключе, а потом резко измениться в противоположную сторону. В сборнике часто фигурирует юг — отсылка к истории жанра Хуаняо, зародившегося на юге. К примеру, художник Чжу Да намеренно оставлял большое количество пустого пространства вокруг больших предметов, давая зрителю право использовать фантазию.

Наталия Азарова прибегает именно к этому стилю живописи, потому что он достаточно гибок и позволяет выразить любые идеи. Теоретик искусства Чжан Янь Юань писал о нём: «Чтобы передать движение облака и снег, необязательно использовать белую краску».

На картинах течения Хуаняо реальные природные объекты размываются и перестают существовать, являя собой философскую идею, привнесённую в них художником. Похожим образом слова в стихотворениях поэтессы теряют свое начальное значение и превращаются во что-то более глубокое и нестандартное, открывающее простор для интерпретации.

«Время-весит-меньше-грамма». Время невозможно остановить, поймать или замедлить. Оно настолько легкое и маленькое, что его нельзя даже заметить. Оно всегда с нами и всегда ускользает. Оно связывает всё живое, оно одинаково быстротечно для каждого. Именно это и есть один из главных мотивов сборника.

искусство так называемое

Напр.,

Несчастье

видимое:

речь, любовь и т.д.-

концепции,

односторонне понятые

в угоду

концепции

Мария Жолобова

***
скоро и ты
превратишься в терракотового солдатика
с сомкнутыми по привычке губами
и никуда не устремлённым взглядом

скоро и ты
превратишься

потому что большие с тобой наигрались
и пора упрятывать грохот кольчуг в коробку
вместе с топотом всадников
и холодными от крови перчатками

потому что с тобой
наигрались

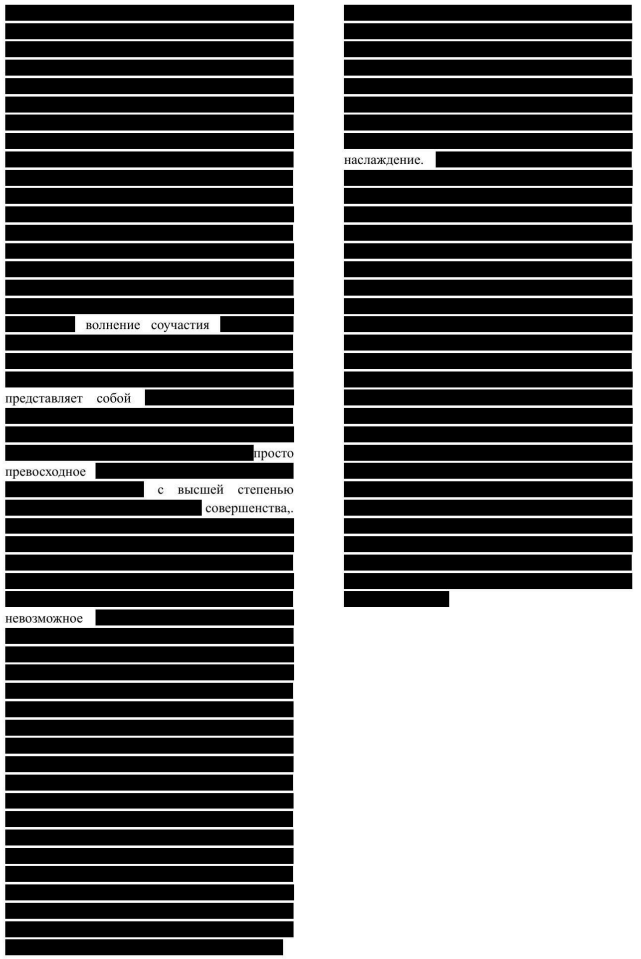
потому что
кони отржали а флаги отвились

потому что
крики умолкли

потому что
при очередном брошенном на тебя взгляде
у пятитысячного наблюдателя
не останется ничего
кроме чувства
что должно быть какое-то чувство

Варвара Рыбина

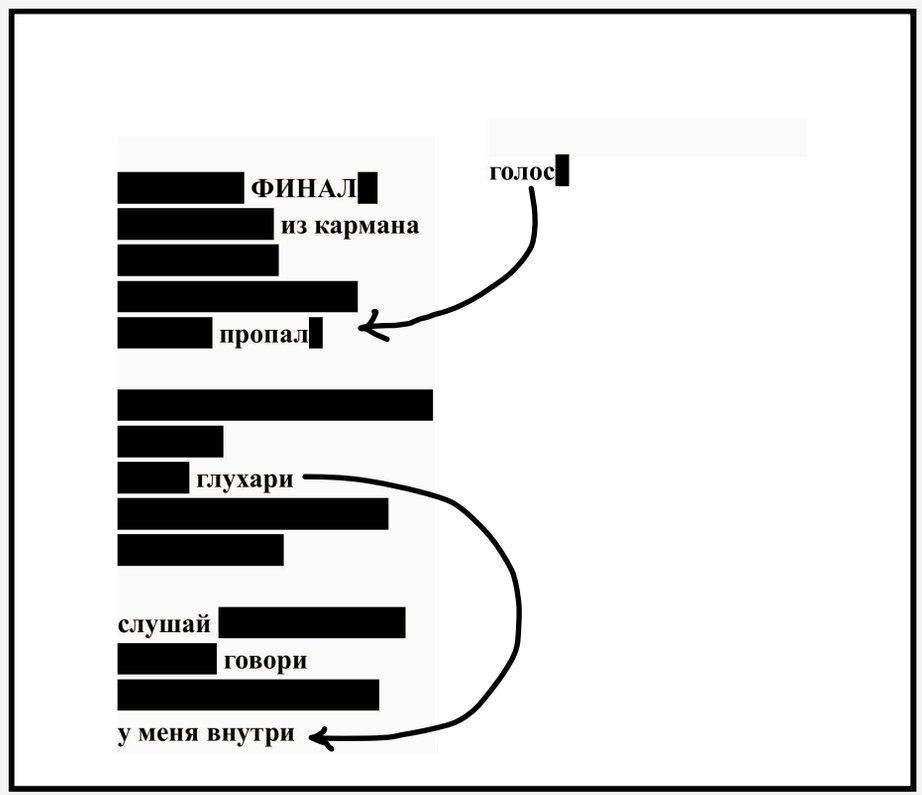

Злата Шипунова

Волнение соучастия
представляет собой
просто
превосходное
с высшей степенью
совершенства,
невозможное
наслаждение

Злата Шипунова

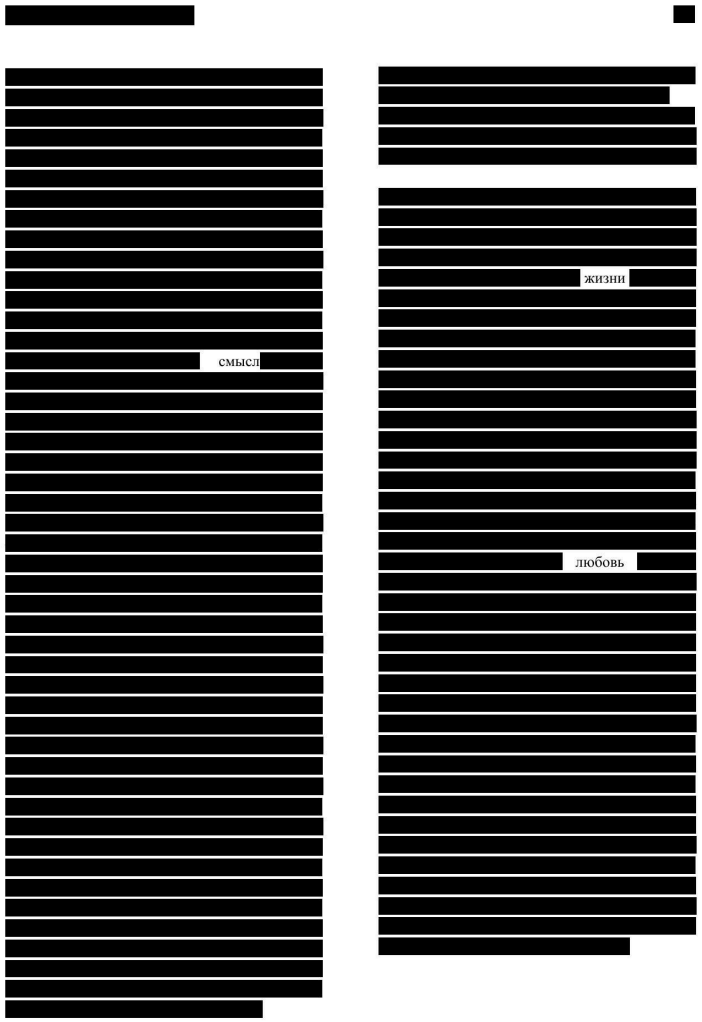
Елизавета Головина

Серафим и Дама

Рукою Врубеля картина
Разломана посередине,
И в верхней части Серафима
Он ловко вылепил из глины.
И в крапинку раскрасил небо,
Покуда на земле всё слепо.
А в нижней части небо скрыто:
Тепло, темно, уютно, сыто,
И только женщина, наверно,
Его увидела черты.

Мария Жолобова

Варвара Рыбина

жизни

смысл

любовь

Варвара Рыбина

«Морем собственной крови
Он захлебнётся,
Любовью.»
Елена Шварц

***

Коркой ещё не покрытые,
Рваные рвы свежерытые
Страсти несут с голгоф:
Кажется, мученик мертв.
Бог запекает кровь,
Ибо её ручьи
Нас, сошедших с голгоф,
Мучить продолжат.
Бог заберёт любовь,
Зная, что мы — ничьи.
Сети тревожных снов
Он переложит.
Он уберёт излишне
Нежные четверостишья,
Высушит море слов,
Как только сойдем с голгоф.
А на высоком взгорье
Маков зажжётся море,
Кристаллизуя горе
В пёстрое полотно.
Мы захлебнулись морем,
Искренности вином,
Маково-алой кровью,
Маково-пьяным сном.
Не соскребая красок,
Не забывая снов,
Скинули рваны рясы —
Всё же сошли с голгоф.

Мария Жолобова

Горѣ имѣимъ сердца

Ветер щекочет траву, а о на
Вьётся меж пальцев моих, прижимая
Ближе и крепче всё тело к корням
Так, что уже — вместо крови — ушная
Чаша моя слышит пульсы земли.

За руку цепко под почвой схватив,
Древо началом своим насыщает.
Выше горы (не хочу как Сизиф)
Вырасту, плоть пощажу на прощанье –
Горло от груды камней разгружу.

С хрустом расширится темя листвой…
Ветер насквозь пропущу через поры.
Поздно. Он выдул всю душу так скоро.
Вылет в бесцелье. Зажмурю глаза.

Вниз смотреть страшно – никто б там не смог
Сердцем узнать херувима средь гарпий.
Там моих мыслей оставлен комок,
Там – крик прикушенных губ, плач и храпы.
Лучше паду навзверх к небу на дно.

Веки всё кроют зрачков янтари.
Свет. Пируэты отчаянной mori.
Если возьму и на крыльях зари
Переселюсь далеко на край моря –
Там голоса Его голоса ждут.

Арина Балакина

***

не выжили
пусть и пробыл
пятнадцать восьмых
прибило
твой трупик
на тёплый берег
плещись на песке
и пробуй
на честность
окурки пальцев
сухих
как плевок плебея

всё было
всего лишь
было
об этом
и плач предтанца
и костность плеяды пауз
всё было
а ты
рыдаешь
раскинув пустые жабры
в повисший без ветра
парус

а пальцы хазарской данью
кричат
по бесстыжим нотам
хрипи
что не пойман
но
там
ты ждал бы
ты тоже ждал бы
и тоже
терзал беззвучье
своей черновой
немотой
как руки
когда-то вечной

пузырность рыбёшьей речи
не лучше

ничуть не лучше
чем ноты

Варвара Рыбина

Мария Попова

«Я не военный потомок славян, я всадник весенней земли»: Боян и его песни из «Всадников» Виктора Сосноры

статья

Соснора, В. Всадники — Л. : Лениздат, 1969.

Во вступительной статье «Поэт и история» к книге стихов Виктора Сосноры «Всадники» Дмитрий Лихачёв отмечает, что «поэзия в быту Киевской Руси – основная тема «Всадников». Поэт пишет о поэтическом преодолении грубого быта на самой заре русской истории».

Соснора «берёт летописные образы, героев былин и литературных произведений и додумывает их характеры, досказывает за них их жизнь». Одним из сквозных персонажей становится Боян. Внутри «Всадников» создаётся легенда о нём, его происхождении и творчестве. Отрываясь от абстрактного фольклорного образа, явленного, например, в «Слове о полку Игореве» и «Задонщине», Боян по-новому оживает в художественном мире Виктора Сосноры.

История Бояна начинается со стихотворения «Мальчик Боян из Загорья». Оброчные крестьяне встречают его в растрёпанном виде на дороге и пригревают у себя:

«Ни матушки, ни мачехи
не помнил мальчик маленький.
Не помнил мальчик маленький
ни батюшки, ни отчима.»

Боян будто приходит из ниоткуда, о нём ничего не известно. Однако уже виден его талант и страсть к песнопению: «Мальчишка встал тихонечко / и сел в куток с сопилкою».

Далее в «Бояне» он показан уже взрослым. Легендарность его образа окрепла, и из мальчика «по росту – меньше валенка» он превратился в народного певца-сказителя: «Стихи да кулак булатный – / всё достоянье Бояна». Образ сильного Бояна в латах напоминает богатыря, странствующего и совершающего «песенные» подвиги.

Героями, вокруг которых происходят основные коллизии в жизни Бояна, становятся Боярин и Марина. Они супруги, однако Марина влюбляется в Бояна и его песни. Несмотря на то, что Марина проводит с ним время, она «не побежит… за Бояном в родной Чернигов».

Что возьмешь с гусляра Бояна,
продувного, как сито,
разве будешь от песни
пьяной?
или сытой?

Материальные блага оказываются важнее для Марины, и она выбирает остаться с Боярином: «Никогда не уйдет Марина / от боярских бочонков и пищи». После примерного очерчивания биографии Бояна Соснора помещает цикл поэтических текстов «Последние песни Бояна», как бы написанных от его лица.

Д. С. Лихачёв во вступительной статье пишет, что дух истории «витает в стихах Сосноры». В «Последних песнях Бояна» и вправду воссоздается древнерусский колорит, «Русь в живой плоти». Рядом существуют христианские и языческие мотивы, что было свойственно мышлению человека Древней Руси. В стихотворении «Первая молитва Магдалине» лирический субъект будто говорит от лица Христа и, обращаясь к Марии Магдалине, даёт ей духовные наставления:

«Сестра! Не плачь и не взыщи.
Не сострадай, моя.
Глумятся надо мной – молчи,
внимательно молясь.»

А в «Язычниках» лирическое «я» сливается с «мы» и будто хором выражает дружинное миропредставление, находясь в диалоге с христианским:

Верим в солнце,
верим в мясо,
в соль,

в зерно,
в зачатье,
в бубны,
в бани,
в хоровод,
в гусельные весла!

Такое многоголосие в текстах Сосноры уничтожает стереотипные представления о Руси: она кажется одновременно страдающей, грубой, чувственной и «неизменно жизнелюбивой».

На формальном и языковом уровне песни Бояна также пропитаны древнерусскими мотивами. Обильные рефрены имитируют песенный стих, свойственный фольклорным произведениям:

Где же наши кони,
кони вороные?
Где же наши копья,
копья воронёные?

Стихи с повторами и синтаксическими параллелизмами зачастую помещены в двустишия и написаны шестистопным, четырёхстопным или трёхстопным хореем (иногда – амфибрахием), что придаёт эпичность стихотворениям и усиливает песенный эффект, непривычный для уха современного читателя.

«Экзотикой» во всех текстах «Всадников» становится образование новых словоформ. Например, рождаются слова «мильонострунно», «ясносолнечные» и «скурносились», добавляя вычурность языку. В создании окказионализмов Соснора наследует футуристическую традицию Маяковского и Хлебникова. К тому же, в стихах Сосноры мелькает «лесенка» Маяковского. Она возникает фрагментарно, из-за чего «усложняет» прочтение:

Подари мне еще десять лет,
десять лет,
да в степи,
да в седле.

Подари мне еще десять книг,
да перо,
да кнутом
да стегни.

Не зря при попытке отнести к конкретному направлению Виктора Соснору его определяют как неофутуриста.

Однако Соснора не только создаёт новые лексемы, но и мастерски орудует привычными. Лихачёв пишет, что «его (Сосноры) стихи рождаются из находок в самых недрах русского языка. Идеи рождаются у самых корней слов.» Соснора намерено ставит рядом однокоренные или схожие по звучанию слова, отчего возникает плеоназм и музыкальность, например:

Что так плакал филин,
что весь **плач птич**ий –
бессилье **бесс**онниц,
ни больше, ни меньше.

Так, Виктор Соснора разными способами пересоздает древнерусский миф. В письме к Лихачёву от 29 января 1962 г. Асеев писал, что «прелесть сосноровских “перефантозирований” именно в том, что он не повторяет подлинника, а… продолжает видеть воображением его запредельные картины».

Виктор Соснора – поэт, чьё место в истории русской литературы ещё предстоит определить. Его художественный мир умещает в себе исторический размах, личные истории, фольклорные образы, имитацию древнерусской песни и языка. Читателю предоставляется возможность проникнуть не только в общий культурный контекст, но и во внутренний мир отдельных героев – например, Бояна.

Ополченцы к пэру
Из «Верлибров о несвободе»

Выпьем! Эк, скажу!
слава королю! –
слава!
слава!
слава королю, слава!

обращаюсь к портрету его,
глядите! –
господин улыбнулся мне!
господин, слышите ли?
слышите!..

безбородый,
мальчишка,
слышите!
вы взглядом
выкорчёвываете копья из рук врагов.

вы, говорящий на чудесном языке,
незнакомом нам,
вы, познавший науки
и музу,
вы, лёгкой походкой
проходящий вдоль полка,
вы, наполненный честью и любовью,
вы, беспристрастно смотрящий
в лицо дамы и в лицо смерти, –
вы мечтаете о славе и о победах.

мы же,
сидящие по кабакам,
грубые, неграмотные кабаны,
бьющие жён и горланящие песни,
мы – ленивейшие из животных –
просим вас:
лишите нас песни!
Лишите нас песни,
чтобы другие мы –
такие же, как мы –
воспели вас.

мы хотим встать от вас по обе стороны,
выстроиться для атаки
кабаньей главой,
двинуться,
лязгая железом и зубами,
и вместе с вашими врагами
умереть.

не смотрите на нас,
повылазивших из трактиров,
выжимающих руками сальные бороды!
покупаем тернии за бесценок –
за копейку –
за камешек –
за наши головы!

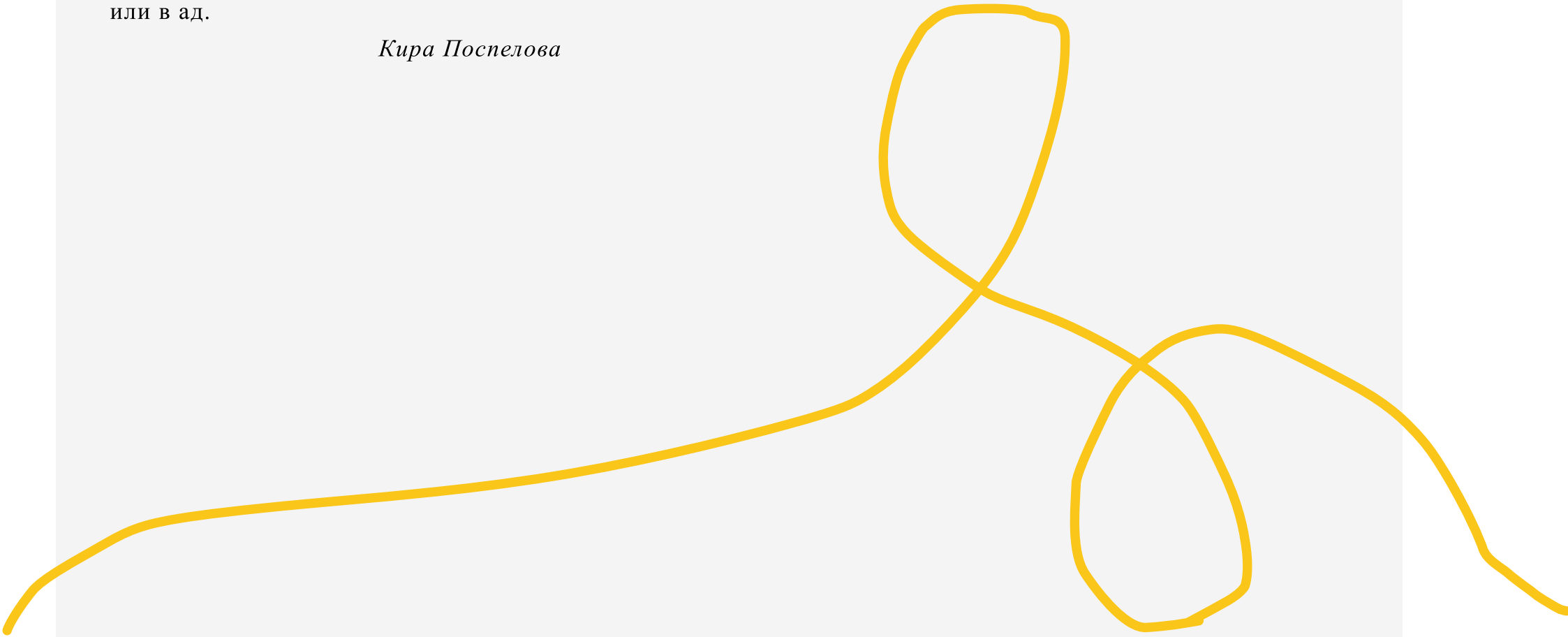
нас не ждут на том свете,
ни богу, ни дьяволу – не служили.
мы чужие им.
мы на вечной службе у вас.
нас не пустят ни в ад, ни в рай.

Возвращайтесь домой,
принимайте песни и жесты,
принимайте лавра
великолепную прохладу!
не торопитесь.
полк дождётся вас.
а когда подойдёте к вратам –
седой,
старый,
усталый и великолепный,
с удивлением увидите нас –
совсем не изменившихся.

апостол Пётр махнёт вам:
мол, туда или сюда.
вы опу́стите меч Дюрандаль,
порядком заржавевший,
а мы – кабаньей главой –
как для атаки –
по обе стороны –
встанем.

и пойдём за вами.
и без боя войдём
в рай
или в ад.

Кира Поспелова

The soldier

I have what it takes to be a soldier
I have what it takes to lead the weak
I know I will stand in front of danger
But can I put my head upon a stick?

But can I truly stand in shining armor,
And butcher mothers, crying for their child?
The blood will boil within the shining summer,
The swords collide, an irritating sound.

But war, it doesn't truly love forever
The shards of glass, they settle in your lungs
The warmth of heart can't melt the cold of leather
And every time I breathe, I feel the war, it burns.

I have what it takes to be a soldier
I have what it takes to lead the weak
And I will lead them out of bloody danger
The wide white flag will blossom on my stick

Алиса Поленович

***

Найти свой путь бывает сложно.
Плутая в бездне чувств, идей,
Ты восклицаешь: голос Божий!
Раздайся в пустоте моей!

В бескрайнем море умозрений,
В волнах смятений и тревог
Скажи, как сделать выбор верный,
Не утонуть среди грехов?

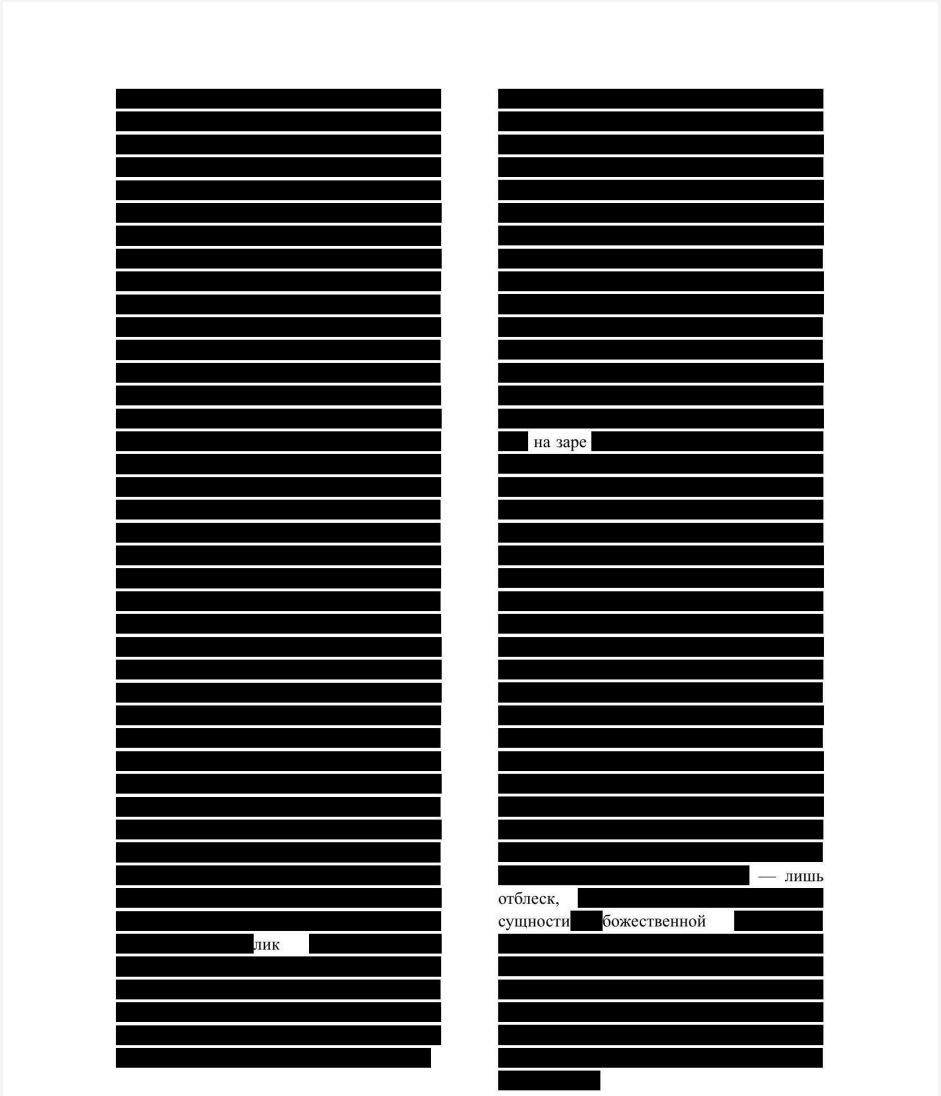
Молчит. Быть может это море
Мне суждено проплыть одной,
Я попаду и в шторм, и в горе,
Но лучше так, чем тишь-покой.

И ошибаясь так нелепо,
Я в роли вечного глупца
Стремлюсь к спасительному небу,
Ведомая рукой Отца.

Ксения Валькова

«Всё под солнцем течёт, и минует время скоро, яко тень мимоходит»
Симеон Полоцкий

Арина Жигадло

лик
на заре
— лишь
отблеск,
сущности божественной

Арина Жигадло

Утро творца

«Отчего же, от чего же отказался ты теперь?
Зря стремился: не под силу отворить чужую дверь.
У тебя в руках бумага, ты не смотришь на неё.
Как, скажи мне, получилось, что на сердце лишь враньё?

Что печалью молчаливой заливаешь ты мечты?
И встречаешь ты лениво… Боже мой! Какие дни!
Эй, писатель! Хватит, полно! Что забился ты в чулан?
Страхом делу не поможешь, ты, конечно, знаешь сам.

Просыпайся! Про-сы-пай-ся! в сердце дремлющий творец!
Умывайся! Улыбайся! посмотри, какой дворец:
Свод небесный, горный воздух и шипучая волна —
Здесь твои друзья навеки, вдохновения страна!

Просыпайся! Про-сы-пай-ся! молчаливый демиург!
Труд былой тебя заждался, и остыл гончарный круг,
Да в пыли давно пустует одинокий нотный стан…
Где ты, на все руки мастер? Сколько ты уже проспал?..»

«Я? Кто я? Как сон был сладок! Дай ещё минуток пять,
Я хочу под одеяло, в тёплую свою кровать.
В творчестве моём упадок! Пусть же кто-нибудь другой
Встанет на защиту слабых и за правду вступит в бой.

Ну а если очень хочешь, то возьми мои… (зевок)
Очерки, стишки, рассказы и романа — вон — кусок.
Выпьем чаю, брось пустое, не волшебник я, не бог,
Но ещё чего-то стою, в своём деле знаю толк.

От хорея ямб и дактиль я умею отличить,
Но от правды завалялись где-то в ящиках ключи.
Ведь творить — такое дело: не пророчит славы
текст.
Растеряешь все идеи, лишь бы было что
поесть…

(Звенит будильник)

Полно, я встаю с кровати! Ты, наверно, в чём-то
прав:
Часть великого искусства будет и в моих
стихах».

Максим Вотинцев

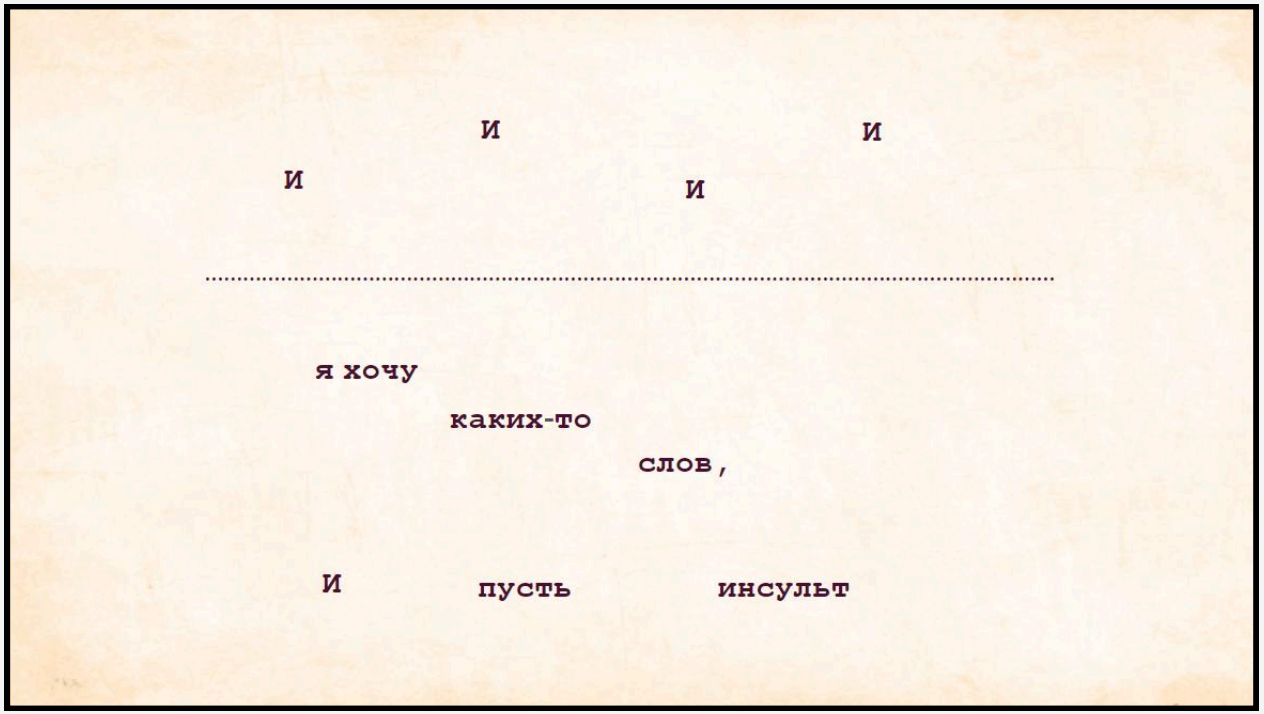

Логос

Говорил один дьявол, что
Рукопись не возьмёт огонь.
Чьей-то фантазии дурное дитё,
Время, век, пламя, — его не тронь.
Жаль только, дьявол лжёт:
Слишком голодный костёр —
Того, чем подавится он, — на пересчёт.
Кинул бумагу, да сажу с руки отёр.
Есть всё же шанс, дьявол прав:
Бессмертие — в слове, трепещущем
На чьих-то горячих упорных губах.
И в молчании слово расплещется.
На писателя сколько-то-летие
Я призову, несмотря на бессмертия яд,
Александрийцев в свидетели:
А ведь рукописи отлично горят.
Восстанавливаются даже лучше.
Пронеся сквозь века и метания,
Я отдам каждое слово заблудшее,
Помня, что в центре любого писания
Был логос. Рукопись — позже,
Дьявол соврал в одном:
Рукопись — отличный розжиг,
Но и автор не был дураком.

Елизавета Бражникова

Арина Балакина

Мика Морозов

В глазах — испуг, очарованье,
Он видит чудо в полутьме.
Вот-вот сорвётся, как дыханье,
С огромных кресел — и ко мне.

Кудрей тяжёлая волна,
Цветной накидки перелив,
И та душа добра полна.
И взгляд его невозмутим.

Неопытно ещё дитя,
Среди потёмок – свет живой.
Он хочет заманить нас всех:
«Смотрите!» — и взмахнуть рукой.

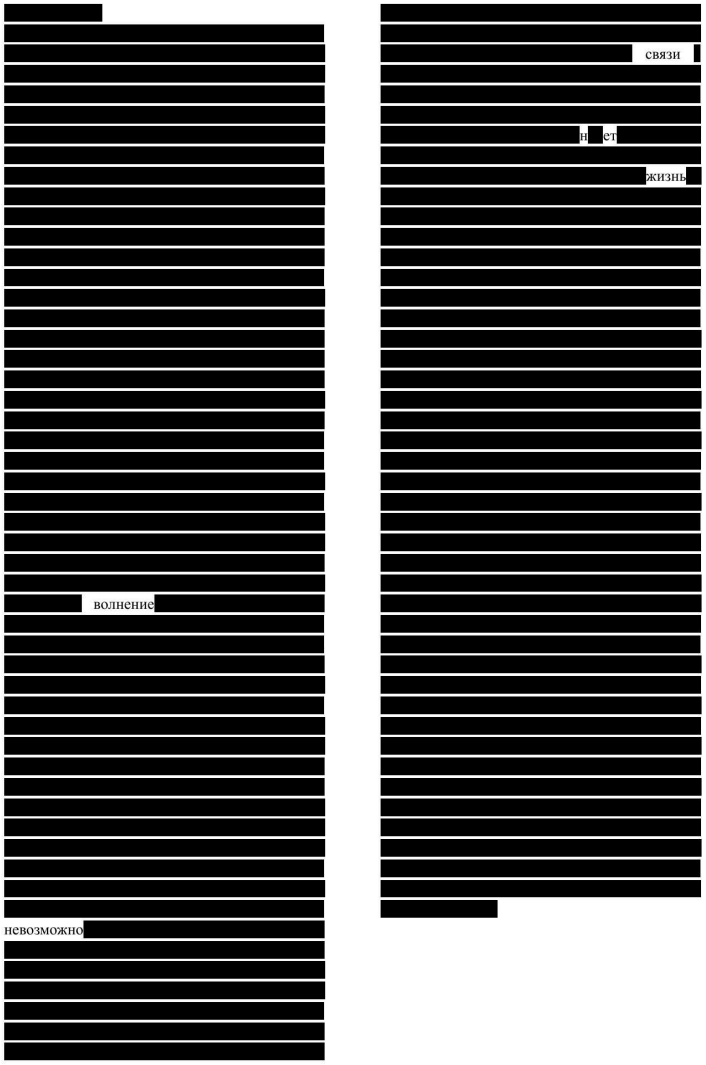
Елизавета Головина

***

Тугое яблоко на блюдце
Хранит прохладу прошлых дней,
А восковые слезы льются,
И на стене — игра теней.
Как будто истекает соком
Свеча, чьё пламя разрослось,
И станет яблоко истоком
Всего, что в сердце сберeглось.

Елизавета Диденко

Елизавета Головина

волнение
невозможно
связи
нет
жизнь

Елизавета Головина

***

Восстанут из чёрных глубин твои волны
И землю порфирой покроют покорно.
Вы, шёлковым блеском, могучие воды,
Над бездною неба раскинулись гордо.

И белыми гривами полы морские
Бросаются к берегу. Только стихия
Взволнуется робко — как тут же умолкнет,
Оставив лишь шёпот камням ненадолго.

Сверкает, как золото, солнца корона,
И воют ветра, и торжественным ходом,
За мантией скрывшись холодного моря,
Угрюмо шагает правитель прибоя...

Максим Вотинцев

Море

На берегу безлюдном, незаметном
Для глаз чужих, далёком и немом
Сидели мы. Волною многопенной
О гальку билось море серебром.

Оно, своей прозрачностью сияя,
Небесную зеркалило лазурь;
И вольный ветер, всплески подгоняя,
Тревожил бирюзовую глазурь.

Вдали, как в дымке, горы тихо спали,
Укрывшись одеялом облаков.
Во мне шумели думы, оживали
Утёсы ненаписанных стихов.

Звучала музыка бескрайней дали,
И в свежесть окунулась сторона.
Мы в мыслях глубину с тобой искали,
Желая поскорей достать до дна.

Взяв камень в руки, мелкий, разноцветный,
Я на песке рисую путь домой.
И наши души в космосе Путь Млечный
Соединяет ниточкой-судьбой.

Рождаясь вновь из пены, колыхались,
Вздыхали волны, силясь говорить.
Услышав их, навечно мы расстались
И море в памяти пытались сохранить.

Алиса Шаймуратова

***

В Адлере дожди.
Смоет с камня на заре
Летний чей-то след.

***

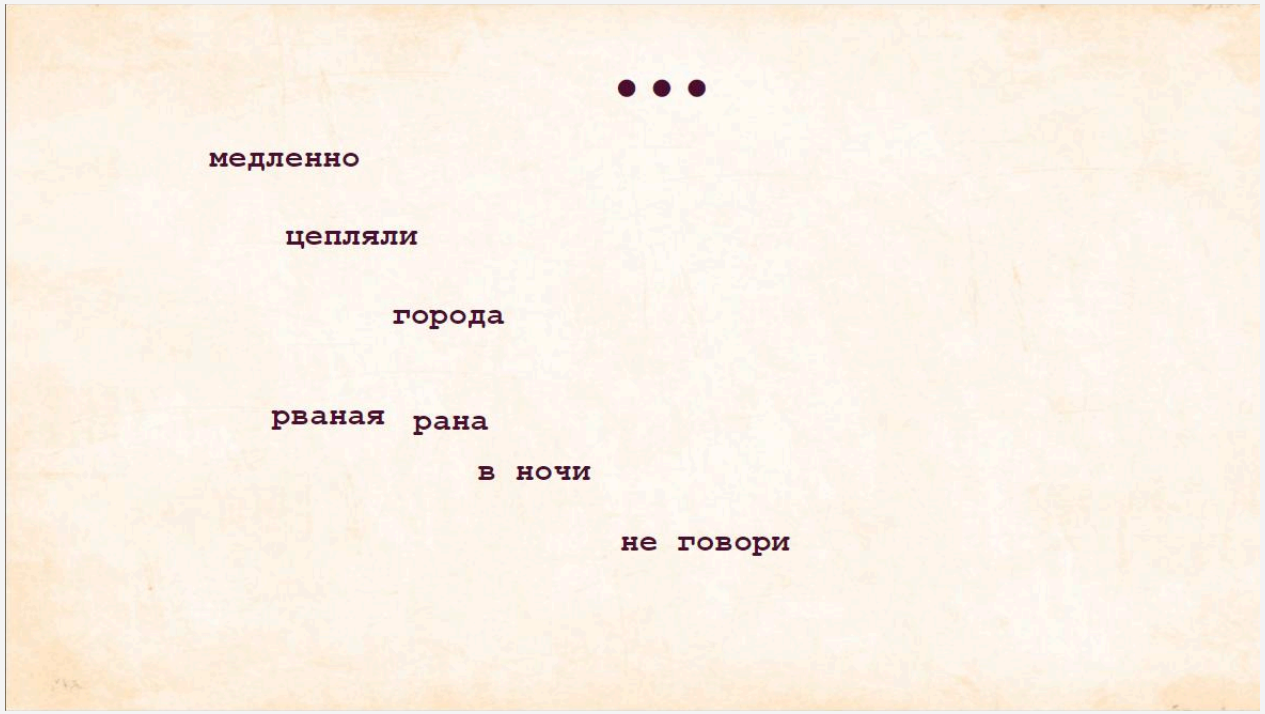
Пики дальних гор.
Сквозь туман мерцает снег —
Октябрём сквозит.

***

Море из свинца.
Брошен на сырых камнях
Ржавый лист чинары.

Арина Чернецкая

Юлия Курицына

Постоянство памяти

Почти пустынный берег.
Скалы у воды.
Из перетекающих синих, жёлтых и вновь синих полос
Состоит горизонт.
Залитый ядовитым светом фон.
На часах — «средиземноморские феи»,
Вдохновлявшие античных философов.
Зеркало — отражение мира сновидений.
Параноидально-критический метод.
Они свисают с края,
Минуя контроль разума.
Постоянство...
Постоянство чего?
Сюрре...сюр...сыр камамбер.
Растёкся, расплавился.
Твёрдые одни — лицом вниз.
По ним ползут муравьи.
Их немного, и они не спешат.
Субъективное время
Течёт произвольно, неравномерно.
Сухое дерево. Море
Статично, как внутренние ритмы сознания.
Ты спишь. Оголено подсознание.
Предметы утратили привычное положение,
но не стали от этого менее реальными.
Или стали?
Мигрень. «Не сможешь забыть полотно».
Идея Гераклита:
«Всё течёт. Всё меняется».

Снежана Майшева

Море волнуется раз и навсегда

Зорко смотри, человек: буря бросает корабль.
Если спустится
мрачная ночь — управляй им тревожно,
Якорь спасенья ищи
— якорь спасенья найдёшь…
А. А. Блок

Приложи к уху раковину с побережья,
С головой окунись
В щекотящий белый шум.
Пенятся мысли,
Ударяясь о фьорды стечений
Обстоятельств, нюансов, знамений.
Их рокот мерный
Изнутри заглушает неугомонный шторм.
Запрокинь голову: небо, на небе Бог.
Плывёт во власти ветра кривой дымок.
Переосмысливай эту видимость, сочиняй.
Ведь, в самом деле,
Откуда дым, если нет огня.
Всхлипы в такт крикам чаек,
Эхом об стенки раковины.
Они поют гимн отчаянным,
Что взлетели, не побоявшись упасть
Навзничь в океан, лицом в грязь.
Он о жизни молчит, шумит о тоске и о том,
Что солнце, стойма над душой,
Испаряет с поверхности бурых вод
Перегной обид и тревог.

Маяки — это миф, кроме света внутри
Никто не укажет курс.
Ветер рассеянно долго чертит
Горькую быль на песке.
Прячь в него голову и тони
В солёных дорожках слёз.
Взглядом проводит
Покатый утёс прилив
На закате вечности.
Волны о скалы
С разбега бьются,
Словно от этого легче.

Арина Жигадло

На ярко-красном полотне…

На ярко-красном полотне
В сто сорок солнц закат пылал,
Явилась молча Ночь ко мне,
Я от Неё ответа ждал.

Она смотрела, как орлица,
Когда добычу зрит с небес,
На мной исписанну страницу,
Мой укоряла мыслей лес.

Она смотрела и скучала
По уединенью. Выпал туз —
Святая лира замолчала,
Умолк и Предводитель муз.

Но почему? Ночь, ты скажи мне,
Свершил ли я великий грех?
В ответ — ни звука. Вдалеке
За Ней растаял тихий брег.

Свет лунный брезжил над осокой,
Туман ласкал речной родник;
А я — у ивы одинокой
Томился, ждал волшебный миг.

И вдруг Она заговорила,
Верней, запела, как вода:
«Ты жил, в тебе копилась сила,
Твои работы — навсегда;

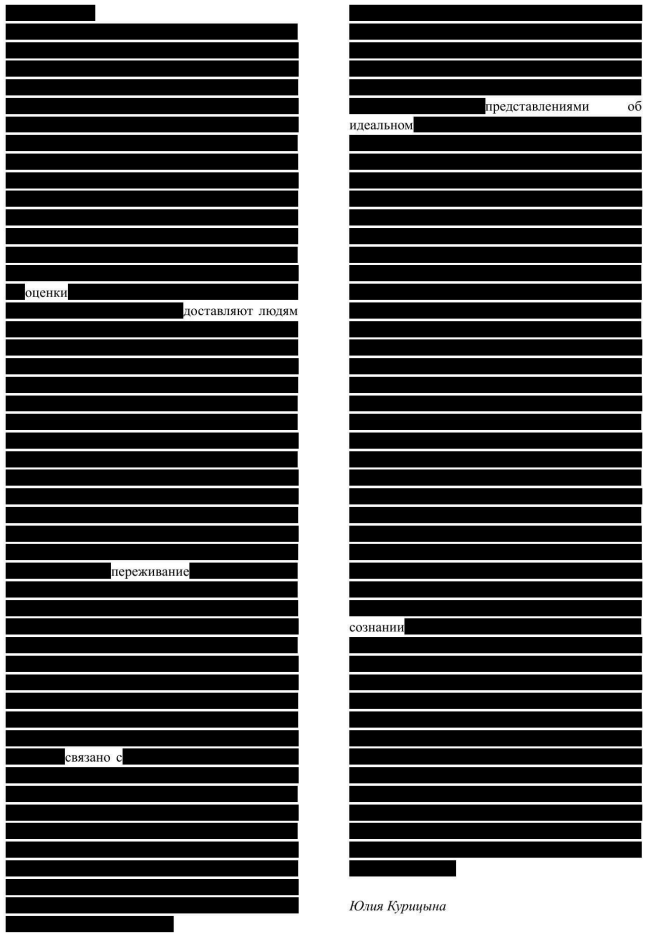
Твой грех — не в слове, не в поступке,
Он — в страхе: ты боишься тьмы!
А ночь — не суд, она в уступке
Необходима для сумы

Твоей дорожной. Свет нести —
Вот для чего дана строка.
Поэт — призвание. Прости
Себя. Пиши! В твоих руках —

Судьба народа. Мысль весома,
Когда есть в сердце отзвук лир,
Когда поэта дар возложен,
Не жди, иди — и всем свети!»

И растворилась Ночь в рассвете
И не оставила следа,
Но я нашёл его в ответе;
И в небесах зажглась Звезда.

Алиса Шаймуратова

Юлия Курицына

оценки
доставляют людям
переживание
связано с
представлениями об
идеальном
сознании

Юлия Курицына

Кирилл Иванов

«Обращённый назад»

обзорная статья

Нацентов, В. Хорольская балка : стихотворения 2020-2025 — М. : Пироскаф, 2025.

Хорольская балка – это ландшафтный комплекс в Воронежской области, родина Василия Нацентова и средоточие его поэтики. Его герой умеет толковать птичьи трели и молчать вместе с природой. По классификации литературоведов, русские поэтические пейзажи делятся на «идиллические», «бурные» (одические) и «унылые» (элегические). Пожалуй, нацентовский вариант здесь последний; однако важно учесть, что эта унылость равнодушна к человеку, а потому её источник не сама натура, а созерцатель.

«Влажно и тихо. Воскресная ночь тяжела:
в ней затерявшийся не возвращается больше.
Мысль ускользнувшая два переулка жила —
в третьем исчезла. Какое спокойствие, Боже!
Нет даже страха. В объёмной, как шар, темноте
память гудит глубоко и невнятно.
Так проживёшь до весны и захочешь обратно.
Где мой холодный перрон, на какой широте?»

Для нацентовского мира ночь – хтоническая стяжательница мирового хаоса. Затерявшийся в нем

не вернётся – не отмолится, не открестится. Лирический герой ищет оледенелый перрон; инстинктивно (замри-бей-беги) стремится к побегу, как перелётная птица, чтобы сбежать от холодного и безумного настоящего. Жизнь пугает его гораздо сильнее, чем смерть, а статичное прошлое даёт опору в невыносимом действительном: «Проходи же скорее. В покинутом мире спокойнее, проще. / Загадай возвратиться в дегтярную горечь».

«Не жизнь одна, а один и един бог» – это тоска по единству. «Если бы знать: эта ночь между нами мелка, / Если бы верить: пространство слагается ими» – здесь же и безосновательная надежда на краткость ночи, и желание определять бытие, стяжать право самим слагать пространство.
Лирический герой испытывает одиночество бога («и разделить это время не с кем, конечно, не с кем»), который пресытился сюжетами и стоит на пороге молчания, ибо «исчерпаны возможности языка», – «тяжесть последнего в мире сюжета». Истории вторят друг другу, мысль избыточна… Однако оказывается, что «можно пережить и это». Загадочная фраза, открывающая уже внесмысловую сферу, где слова не нужны. Важно, что для Нацентова творец (поэт) и есть бог. Обращаясь к его интервью, можно заметить: ему близка ницшеанская максима о том, что жизнь оправдана исключительно как эстетическое явление; а потому этот мотив молчания является роковым.

Лирический герой рад бы «повториться» – «здесь на земле, на притихшем весеннем Дону» или «на ножке лапландского мака зазвучать». То есть зазвучать можно, лишь повторившись в чём-либо, ком-либо. Здесь автор словно наследует античный мотив метаморфозы (недаром одна из строк призывает нас «вперёд

в античность!»). Это и философская позиция как таковая; явный ответ на отчаяние предыдущего абзаца. «Что же мне делать здесь» – это то самое влечение к потустороннему, где всё-таки есть надежда на вечность; однако есть и то, что удерживает, – воля к жизни: «переживём и это». Конфликт стихотворения заключается во взаимоисключаемости этих влечений.

Авторская натурфилософия включает в себя тютчевские представления о гармонии как о дневной иллюзии, необходимой лишь для выживания в ночной мировой скорби («День и ночь» Ф. Тютчева). Лейтмотивы легко озвучить его же строками: «время / судьба / природа», – где главенствующее положение, конечно, принадлежит природе, которая есть и рок, и вечность (она же безвременье), и память. «Пока мы говорим, уходит время злое. / Лови текущий миг, не веря в остальное», – эпиграф из Горация, использованный в одном из стихотворений. В нём герой говорит, что жизнь необъятнее античного стиха. Наверное, само допущение ограниченности поэзии является «дерзостью», неслыханной для александрийцев. Лирический герой, который является воплощением самого Горация (символ, образец поэтичности), кается перед богами, а Нацентов, словно перед всей традицией; ведь, как провозгласил Владимир Козлов, «неотрадиционалист[1] говорит не вполне от своего собственного имени», а от лица всей литературы.

«Я ухожу с головой, обращённой назад,
топкой тропинкой вдоль поймы. Ольшаник. Осинник.
В детстве мечтал я в рассыпанный солнечный сад
переродиться, но разве мальчишка осилит
святость и кротость, пожизненный долг естества...»

Нацентов пишет о «пожизненном долге естества». Что это? Долг перед Природой, Абсолютом, Вселенной? Герой эту ношу не осилил; его желание – вернуться в детство – давний миф (сад!), по которому тот тоскует и который навсегда потерян. Возникает вопрос: «Это конец?», – на который герой сам себе отвечает: «Нет, холода». Он не совсем с людьми, ибо знает детские секреты самой Природы (при случае же всегда готов сбежать из этого мира), и не совсем с натурой, поскольку слишком человечен для её глубокой немоты. Рокочущая война для него – такой же пейзаж: «Стайка парящих стрекоз / летящих уток / в прифронтовых сумерках / истребители вертолеты».

Наш же искушенный читатель XXI столетия обнаружит в сборнике и громоздкие (многословные, концентрированные), и минималистические (выполненные в восточной эстетике) строки, которые значительно высказываются о современности. Поэта отличают пейзажность, меланхоличность и абстрагированность от внешнего мира. Его альтернативой болезненному сущему является холод, который одновременно позволяет молчать и осмыслять былое.

[1]Неотрадиционализм – тип художественного сознания в русской современной поэзии, предполагающий диалог с традицией, её охранительство и поиск новых смыслов культурным кодом прошлого в деконструированном пространстве; альтернатива ангажированному искусству и авангарду.

Утро в сосновом бору

Стена сосен — смолистая, древняя —
Поднимается ввысь, в полумглу.
Здесь заря, словно гостья несмелая,
Пробивается сквозь иглу.

Туман стелется сизым облаком,
Заползает в овраги, ввысь.
Лес ещё не проснулся полностью,
Только воздух — и тот затих.

А внизу, где бурей сломана
Сосна рухнула поперёк,
Трое маленьких, косолапых
Затевают свой первый урок.

Двое возятся, лезут, падают,
Цепко лапами держат ствол.
Третий встал — и глядит с отрадою,
Как туман над рекой взошел.

А в тени, за стволом, недвижная,
Мать стоит, охраняя их.
В её взгляде — тревога нежная
И спокойствие дел лесных.

Это утро — сырое, хвойное,
С ароматом смолы и трав,
Где природа живёт спокойно,
Ничего от людей не ждав.

И художник кистью уверенной
Здесь навеки остановил
Мгновенье — простое, размеренное,
Полное тишины и сил.

Лилиана Миниахметова

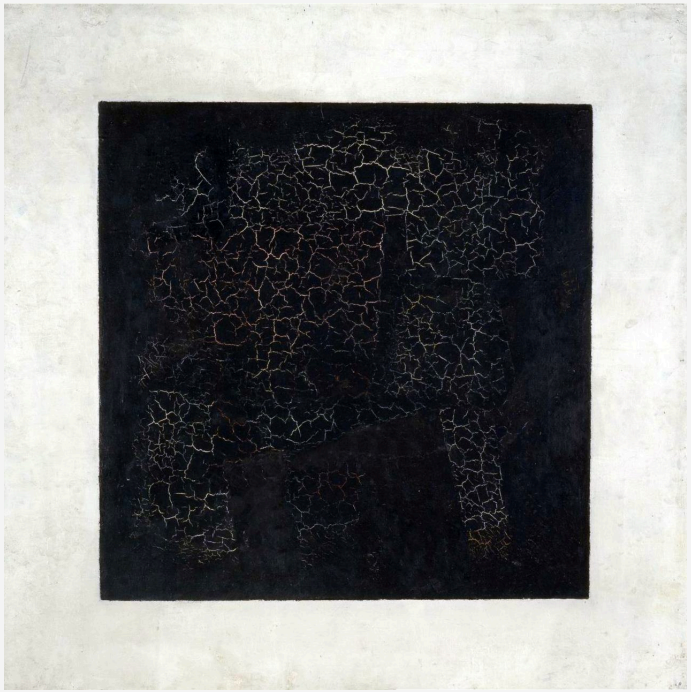

«Мы все уже на берегу морском, и я из тех, кто выбирает сети,
Когда идёт бессмертье косяком»
А. А. Тарковский

Черный квадрат
Живёт,
Молчит.
Гимн немоты.
Лишённый сущей суеты.
О нигилизм, о жизнь, о солнца смерть!

Кирилл Иванов

ничего оно протискивается между прутьями, воет, чтобы ложку дегтя подмешать в молоко от напряжения вселенная мечет молнии на холсте проступают вены дендриты и аксоны нейронов будто бы резко вскочил со стула и перед глазами мелькают стереокартинки

Арина Жигадло

Победа над солнцем

Если в начале слово, то когда вселенная схлопнется?
На длинных концах омикрона наметился звёздный свет,
Поход по короткому циклу, что в целом для жизни свойственно,
Начав от ветхозаветности и кончая парадом планет.

Чёрный квадрат в красный угол не предназначен был,
Но горечью наждака залёг на отростках аксонов,
Не видеть. Не слышать зла и не говорить о зле.
Смысл жизни сегодня не выдали. Прилавки забиты лимонами.

Мы сами закрыли форточку к звёздам над биосферой,
По совету забыв то, чему научились до этого,
И, игнорируя черноту, попадаем пальцами в небо.
Решайте, что зашифровано между притчами и приметами.

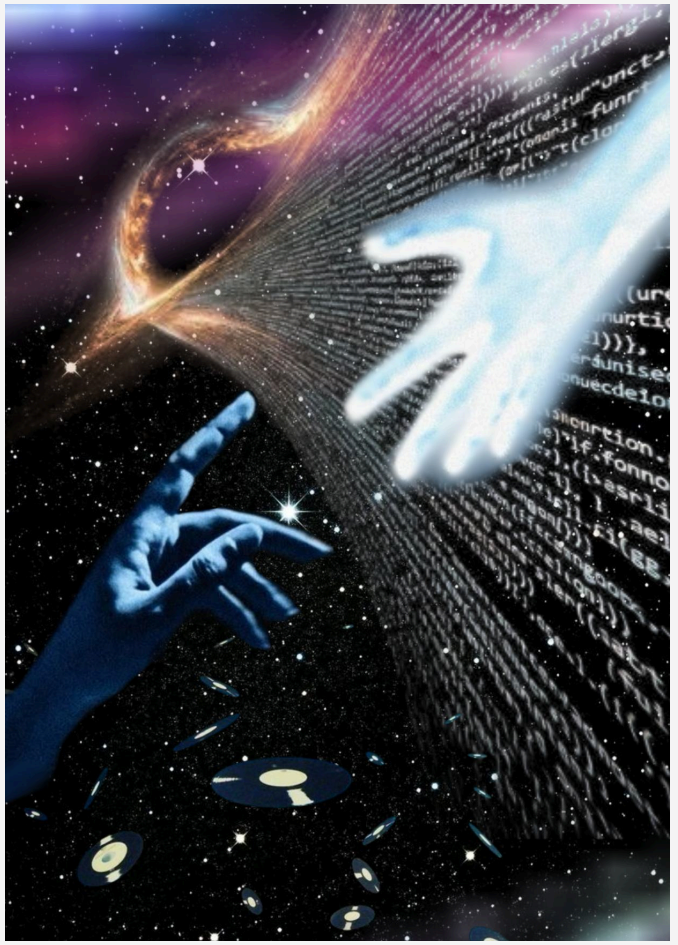
Солнцу уже не впервой. Вы не думайте. Сильное, вырвется,
Ваша бетонная блажь — слоновая кость домино —
Обвалится. Забыли начало и виновны в смерти конца,
Но вам не обязательно знать. Язык мой — враг мой.

Оторвите глаза от пола. Сколько можно лелеять тот
Неудавшийся идеал, стальной занавеской скрытый?
Говорите, язык Эзоповых басен выдумал идиот?
И, не поняв идеи, хнычете у разбитого

Корыта. Смотрите сквозь балкон и видите в окнах пустоты.
Подумайте головой. Есть шанс ещё удержать
Точку конечности бытия, забитую в ящик Пандоры,
Всё равно однажды поймёте, что от смысла нельзя сбежать.

Стеклянно-холодная высота обретает пророческий статус,
Полицию мысли пуская вперёд своего движения,
Настала пора отказаться от культа квадрата.
Обратите внимание. Солнечный круг всё ещё ждёт свержения.

София Колеватова

Лилиана Миниахметова

Воздушные петли «Медных спиц»

рецензия

Погорелая, Е. Книга стихов — М. : Воймега, 2018.

«Я не умею писать длинно — я умею писать сразу»
Е. А. Погорелая

«Медные спицы» Елены Погорелой — книга, которую трудно отнести к какой-то одной категории. Её автор — литературный критик, кандидат филологических наук, начинавший с исследований Иосифа Бродского, редактор отдела современной литературы журнала «Вопросы литературы». Когда критик берётся за стихи, обычно происходит одно из двух: либо его объявляют поэтической аномалией критика, либо упрекают в том, что он нецелево использует ресурсы. Погорелая — ни то, ни другое. Её стихи не нужно оправдывать её должностью: у них есть свой законченный лирический голос.

Андрей Пермяков, литературный критик, точно заметил: Погорелая в каждом коротком стихотворении стремится «сказать сразу и всё». Критик по профессии привыкает выжимать из текста все возможности. Поэтесса не подводит к главной теме постепенно, а сразу выводит к кульминации. Но в лучших вещах Погорелой эта торопливость становится формой: лирика здесь не нарастает постепенно, а вспыхивает.

Показательна «Золотая рыбка». Здесь народная колыбельная соединена со скрытым рассказом о семейной травме: «Золотая рыбка, трепещущим помавая / плавником, обходя крючки и кривые снасти, / с перламутровым перстнем в разорванной рыбьей пасти / приплывёт и сманит — как деда, отца и брата — / в те моря, из которых к матери нет возврата». Но колыбельная здесь работает наоборот. Убаюкивание оказывается не искушением в прямом смысле, а заманиванием: рыба сулит не сон и покой, а уход «в те моря, из которых к матери нет возврата». Колыбельная становится песней о смерти и разлуке. Перламутровый перстень — изысканная, почти декоративная деталь — помещён «в разорванную рыбью пасть». Эта дисгармония и есть то, что я назвала бы поэтической сигнатурой Погорелой, то есть её узнаваемым авторским знаком: прекрасное и безобразное сцеплены в одной строке, и одно не отменяет другого.

На уровне стиля самое заметное — спокойное использование классической метрики. В современном контексте верность традиционному размеру и рифме порой воспринимается как «неотрадиционализм». Мало теперь поэтов, которым было бы настолько всё равно, найдут ли у них влияние Бродского и не сочтут ли их стихосложение старомодным. Но это «всё равно» не поза, а поэтическая необходимость. Голос Погорелой держится именно на определённости ритма. Её строки — как сами медные спицы: твёрдые, пронзительные, несгибаемые. Расшатать эту метрику — значит рассыпать голос.

При этом приверженность традиции не означает консервативности. Цыганские фрагменты во второй половине «Золотой рыбки» — «ой сарэ мирэ патря / да сарэ ёнэ нэвэ» — вводят чужой, резкий звук. Мне кажется, что вторжение цыганского языка придаёт этой беде непереводимую телесность. Погорелая сохраняет аутентичность фольклора от превращения в музейный декор, удерживая его как раздражающую неоднородность.
Однако у «Медных спиц» есть и свои пределы. Когда Погорелая покидает эту зону и обращается к городским зарисовкам или пейзажам, давление «сказать всё сразу» иногда оборачивается напряжённостью. Некоторые короткие стихи читаются, скорее, как критический набросок возможностей поэзии, чем как завершённое стихотворение. Это специфический риск поэзии критика: знание того, какого эффекта должно достичь стихотворение, порой лишает поэзию той неуклюжести блуждания в темноте, которая и есть одно из самых драгоценных качеств лирики.

Но даже с этой оговоркой «Медные спицы» заслуживают серьёзного отношения. Их ценность не в совершенстве, а в демонстрации того, как интеллектуальная лирика может сохранять телесность голоса, не отказываясь от плотности мысли. Медные спицы Погорелой пронзают несколько слоёв ткани: фольклорную и литературную традицию, материнское утешение и межпоколенческую травму, критическую рефлексию и лирическую потерю контроля. Она не пытается заполнить пустоту между этими слоями, а накидывает воздушные петли снаружи — каждая петля видна, каждая несёт напряжение.

Анастасия Арцибашева

Это

• • •

т

р

и

то

чк

и

Анастасия Арцибашева

Переломный момент

Готовый драться в драку не полезет.
Готовый умереть не прыгнет с крыши.
И каждый здесь своё решенье взвесит
И примет посланное свыше.

Та мудрость нам близка, но так далёка —
Сопутствует и в мыслях, и в делах.
Не думай, что не видишь в ней намёка —
Вот тот совет, что превратит былое в прах,

Разделит жизнь твою на «до» и «после».
Решимость захлестнёт вдруг с головой.
Упёртый на колени пасть ниспослан,
Готовый жить сумеет стать собой.

Рождённый быть моментом переломным
В истории, сердцах людских и судьбах,
Ты — голос разума, подобный вероломным
Всем мыслям, что когда-то были, есть и будут.

Ты — вечность и предел, похожий
На свет и тьму одновременно.
Тебя не видит и прохожий,
Но бытие твоё бесценно.

Готовый ждать устанет ждать когда-то,
Готовый покорять растратит свой запал.
Остановись, подумай, прокрути, что снято,
Сложи в единый жизни сериал.

И вопрошай сто раз: чего хотел бы сам?
Вдруг за тебя всё порешали вновь?
Прерви акт потаканья небесам.
Пролей вокруг ту жертвенную кровь.

Готовый драться сам захочет мира.
Готовый умереть захочет жить.
Готовый ждать дождётся всё же пира.
И покорит готовый покорить.

Снежана Майшева

Арина Жигадло

Переступая границы

рецензия

Кузнецова, И. Пока летают бабочки и смыслы // Поэзия неотрадиционализма: три поколения современных поэтов : антология — Ростов-на-Дону : Prosodia, 2026.

В творчестве Инги Кузнецовой преобладает метод магического реализма. Фантастические мотивы здесь лишены традиционной сказочной атрибутики. За каждым «чудом» стоит попытка осмыслить фундаментальные категории — судьбу, смерть, границы человеческого восприятия.

Стихотворения подборки объединяет выбранная форма лирического высказывания, которая строится по принципу внутренней речи. Субъект словно распадается на несколько самостоятельно мыслящих инстанций. Создается впечатление раздвоения личности: «я одна вдвойне». Важно понимать: это не просто диалог с самой собой. Чаще — взаимная трансформация на физическом уровне.

«я превратила себя в человека
бледного полого женского пола
чтобы на ниточке гибкое тело
марионетка нежно и голо
я обманула тебя»

Героиня пытается «загнать» себя во внешние рамки. Причём этим внешним оказывается её собственное альтер-эго. От его лица в большинстве стихотворений и ведётся лирическое повествование. Однако искусственное амплуа противоречит истинному мироощущению, поэтому в каждой строфе она заключает: «я обманула тебя», — то есть пошла наперекор себе.

Стихотворение отсылает к эссе Кузнецовой «Поэт и лирический герой: дуэль на карандашах». В нём она рассуждает о феномене совпадения-несовпадения личности автора и субъекта. По её мнению, поэт и созданный им образ в один момент могут срастись настолько, что уже не герой будет перенимать черты реального человека, а наоборот. Автор начнёт действовать согласно убеждениям мнимого персонажа: «Иногда складывается впечатление, что лирический герой проникает в подсознание подобно компьютерному вирусу, изменяя “файлы”». В идеале, чтобы этого не произошло, каждое новое стихотворение должно быть пересозданием мира, из которого лирического героя выделить не удастся. То есть его фигура в целом перестаёт быть для поэта актуальной.

На мой взгляд, к описанной концепции Кузнецовой не удалось приблизиться. Лирическая героиня у неё ярко выражена и обладает рядом характерных черт. Так, в подборке прослеживается мотив синтеза человека и природы. Героиня чувствует себя не просто самостоятельной частью мира растений, а единым с ней целым. Представление о том, что человек подобен дереву, становится сильнее реальности.

«Я вижу, как темное дерево медленно движется через меня
и в кончиках пальцев шевелятся тонкие ветки»

На этом этапе проявляются черты неотрадиционализма, узнаваемого, прежде всего, в рефлексии на тему слова. Лирическая героиня представляет, как языковые единицы возникают в сознании прежде, чем мы решим их озвучить. Однако они приобретают значение субъективного взгляда на вещи («тоже выбор и зренья, и веры»). Традиция «невыразимого», начатая Жуковским и продолженная поэтами следующих поколений, лишь по-новому воплощается:

«мне нужно вспомнить и не расплескать
носить как воду всё на коромысле
пока программа убыли подвисла
пока летают бабочки и смыслы»

На связь с традицией указывают в том числе аллюзии. В текстах прослеживаются культурные отсылки: переосмысление фразеологизмов, упоминание Дон Кихота, Декарта, Брейгеля. Следует отметить и большое количество чисто акмеистских, вещественных метафор — «платочек улыбки», «огнеупорный горшочек».

Однако лирическая героиня Кузнецовой спорит с идеей происхождения слова из музыки, которую в «Silentium» провозглашает Осип Мандельштам. «И музыка, что прежде почерком была…» — выходит, музыка происходит из слова, а не слово из музыки? В этом смысле, в отличие от традиционализма, заменяющего повестку современности кумирами, неотрадиционализм даёт современности повлиять на мировое наследие, изменить его так или иначе.

Вместе с тем в стихотворениях довольно ярко выражен мотив сна. Иногда он заявлен изначально, иногда — возникает неожиданно, на грани с реальностью: «мне снился сон во сне и мой сурок со мною», «вот рыба полусна / вот рыба полуяви», «от мякоти сна устав». За происходящим героиня наблюдает со стороны, тем самым прибегая к трансгрессии. Черты философской лирики здесь обретают максимальную концентрацию: она преодолевает ограниченность человеческого существования с целью возвращения утраченной целостности.

Упоминание сна как «пограничного» состояния способствует созданию многоуровневого пространства. Лирическое высказывание заключено на периферии прошлого и настоящего, настоящего и будущего. Создается эффект рекурсии — замкнутости между собой и собой: «та во мне, / что видна одному тебе до дна…», «между тобою и той, что стоит за тобой…», «я по ту сторону рассудка». Субъект словно оказывается между двумя зеркалами.

Метаморфоза выступает центральной стратегией поэтики Кузнецовой. Лирическая героиня не принадлежит собственному телу, постоянно меняя маски и субстанции. Это попытка справиться с экзистенциальной неопределенностью: «не знаю я кто я не знаешь кто ты». Мотив трансформации поддерживается природными образами. Так возникает образ человека, открытого любым превращениям.

Мёртвая петля

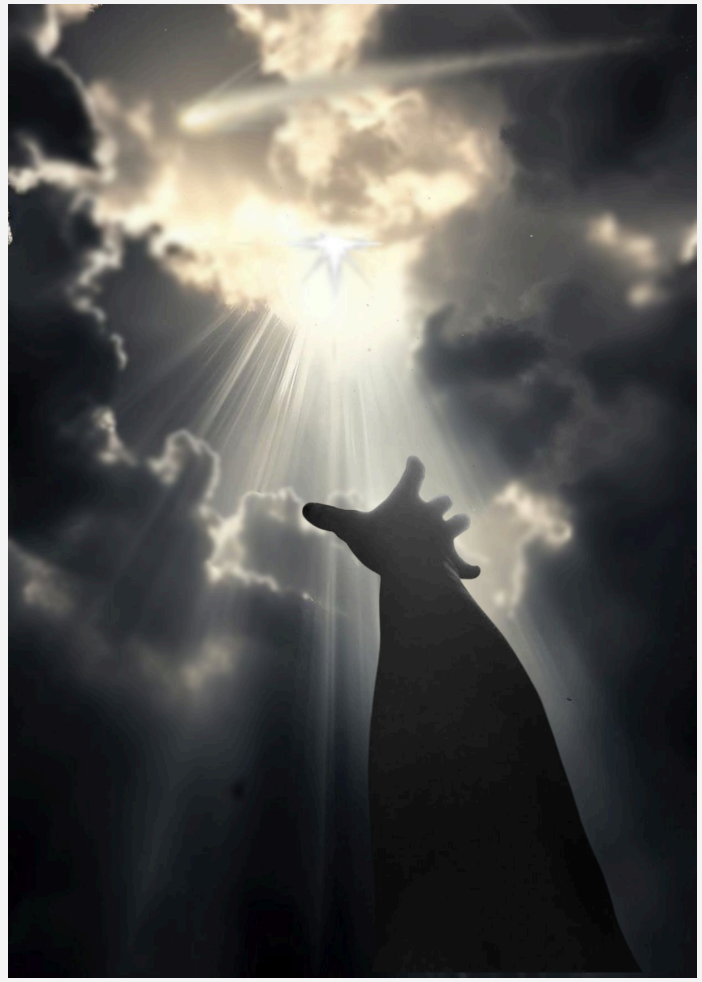
Стою в полутьме, холодны руки.
Дальше лишь сталь, предел и обрыв.
Людские шаги — отзвуки муки,
Я врос в этот миг, в сердце — разрыв.

Я слышу заветное: «Три, два, один!»
Лечу сквозь страх, мне не укрыться.
Я чувствую дрожь и дыханье вершин,
И сердце готово разбиться.

Врываюсь в небо, рву облака,
И тают в тумане миры.
Вечность течёт, как немая река,
И небо стекает с горы.

Высшая точка. Дыхание — в ноль.
Всё подо мною — сказочный сон.
С небом един — забыта вся боль,
Я слышу хрустальный звон.

Падаю вверх, я свободы хочу.
Вниз устремлюсь и счастье ловлю.
И если мне скажут: «Надо к врачу»,
Тихо отвечу: «Я выбрал звезду».

Елизавета Головина

Юлия Лаврова
Голос на рубеже веков
статья

Рыжий, Б. Стихи // Арион — М. : Журнал поэзии «Арион», 2001. — № 2.

Борис Борисович Рыжий — русский поэт, а также геофизик. Его называли «последним советским поэтом» и «самым ярким обещанием в отечественной лирике лихих 1990-х». Вырос в Свердловске (ныне Екатеринбург), в суровом пролетарском районе Вторчермете, в интеллектуальной семье.
Вот что говорил об этом сам Рыжий в интервью «Областной газете» 2000 года:

«Жил я на Вторчермете, учился в обычной школе. Школа была совершенно ужасная, там резали друг друга, выигрывали в карты какие-то бешеные суммы и проч. <…> Учился я очень плохо, и сочинения по литературе за меня писала сестра, вот это я точно помню.»

Эта двойственность в жизни автора отразилась и на его поэтике: классический стиль граничит с уличным жаргоном, а элегическая грусть — с бытописанием 90-х. Рыжий — литератор, следующий русскому поэтическому наследию, объединивший в своём творчестве традиционную «высокую» лексику со сниженной, а также с разговорной речью:

«Где обрывается память, начинается старая фильма,
играет старая музыка какую-то дребедень.»

Одной из последних опубликованных работ Бориса Рыжего является подборка стихотворений, вышедшая во втором номере журнала «Арион» за 2001 год. Она появилась в год смерти поэта и является своеобразным подведением итогов его зрелого творчества:

Концептуально подборка «Арион» представляет собой микроцикл о необратимости времени. Рыжий находился на рубеже веков, когда старые направления, характерные для советского времени, уже потеряли ценность, а новые обернулись хаосом. Нельзя однозначно определить, продолжателем какого направления он является: в его творениях явно отражены не только метафизическая и урбаническая темы, но и темы детства, судьбы и одиночества. Однако на поэта достаточно сильно повлияли предшественники и классики, которых читал ему в детстве отец Борис Петрович.

В стихотворениях творца различимы мотивы, присущие поэзии Лермонтова, ведущими темами которой как раз и является разочарование и отчуждённость. Однако ошибочно будет воспринимать работы Бориса Рыжего лишь «отпечатком» поэзии Михаила Юрьевича. Его поэтика сложнее и многограннее, чем просто следование лермонтовским мотивам. Одной из отличительных особенностей лирики Рыжего является частое упоминание смерти.

В текстах проявляется двойственность лирического «Я»: с одной стороны, он отчаянно цепляется за исчезающую реальность, с другой — желает уйти от неё. Одиночество здесь является экзистенциальным состоянием лирического героя, которое усиливается из-за угнетающей атмосферы города.

Говоря о значимости поэта, я не могу не согласиться с мнением его друга Леонида Быкова:

«...Мы понимаем, что после Бродского Борис Рыжий - самое большое явление в русской поэзии, в значительной степени опровергающий опыт Бродского, потому что у него ирония, а здесь глубокое искреннее чувство <...> Читая Бориса Рыжего, понимаешь, что поэзия – это не просто рифмованные строчки. За них надо отвечать и жизнью, и смертью…»

Борис Рыжий вошёл в историю как противоречивая личность, до сих пор ведутся споры о его литературной принадлежности. В стихотворениях он сопоставляет воспоминания о детстве с суровой реальностью,

пишет о любви, о городе, о судьбе, о ностальгии и смерти. За свою очень короткую жизнь поэт создал около 1300 стихотворений, его часто называют голосом последнего советского и первого постсоветского поколения. В текстах он смог запечатлеть не только быт, но и настроения, страхи, надежды людей, живших в ту переломную эпоху.

Под конвоем тишины

Я сбит с привычного мне ритма,
Судьба ходули унесла.
Внутри дурного алгоритма
Опять не ладятся дела.

Всё ни о чём, не ради смеха
Пытаюсь страсти побороть.
Но тень стыда — уже не эхо,
Она насквозь пронзает плоть.

И уши больше не краснеют,
Грех стал привычкой рядовой.
Пороки снова одолеют,
Смешав весь замысел с судьбой.

Кого винить? Ведь бунт — насмешка,
Немодно каяться в грехах.
Кто искушён — слепая пешка,
Ловец иллюзий впопыхах.

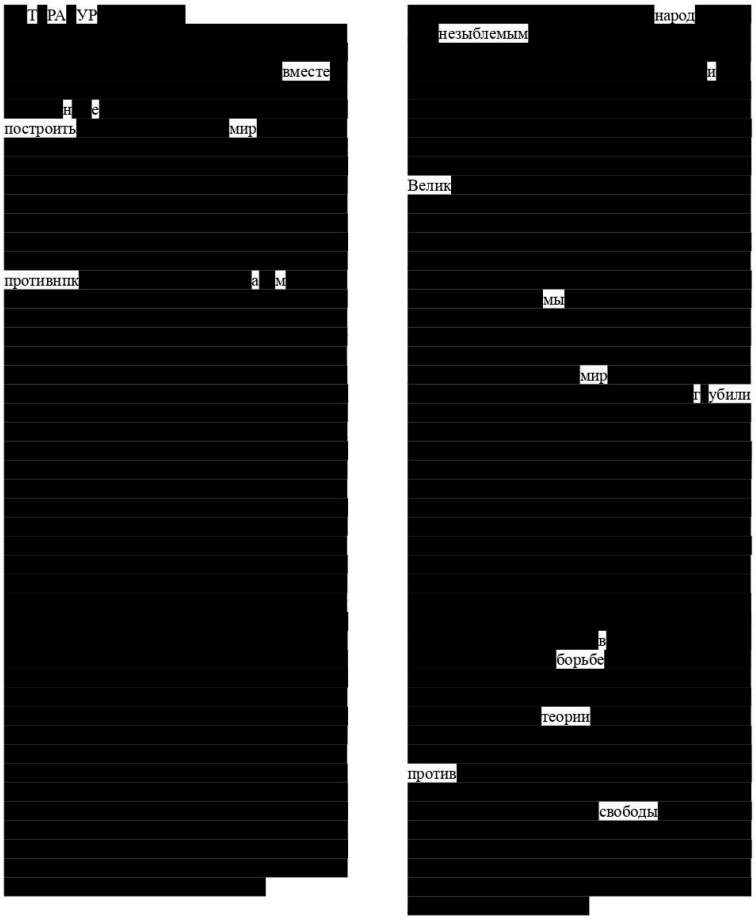
Когда в предвестии расплаты
Я падал, бездну ощутив,
Кричал: «О Боже, виноват я,
Спаси меня и пощади!»

Но, приземлившись слишком мягко,
Когда рассеялся испуг,
Я ухмыльнулся: «Это сказка,
Причуда, глупый сердца стук».

Мы жизнь кроим под стать настрою,
Смеясь над этикой пустой.
Но каждый шаг наш под конвоем
Холодной, гулкой тишиной.

И проку нету в покаянии,
Когда упущены года.
Придёт расплата — неслучайно,
И я отправлюсь в никуда.

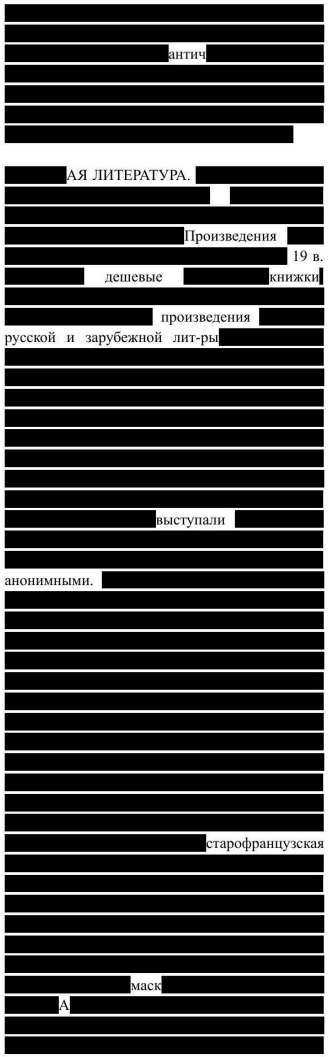
Лилиана Миниахметова

Максим Вотинцев

Т РА УР
вместе
н е
построить
мир
противник а м
народ
незыблем
и
Велик
мы
мир
г убили
в
борьбе
теории
против
свободы

Максим Вотинцев

Юлия Лаврова

античн
АЯ ЛИТЕРАТУРА.
Произведения
19 в.
дешевые книжки
произведения
русской и зарубежной лит-ры
выступали
анонимными.
старофранцузская
маск
А
Это небольш
ое
предание

Юлия Лаврова

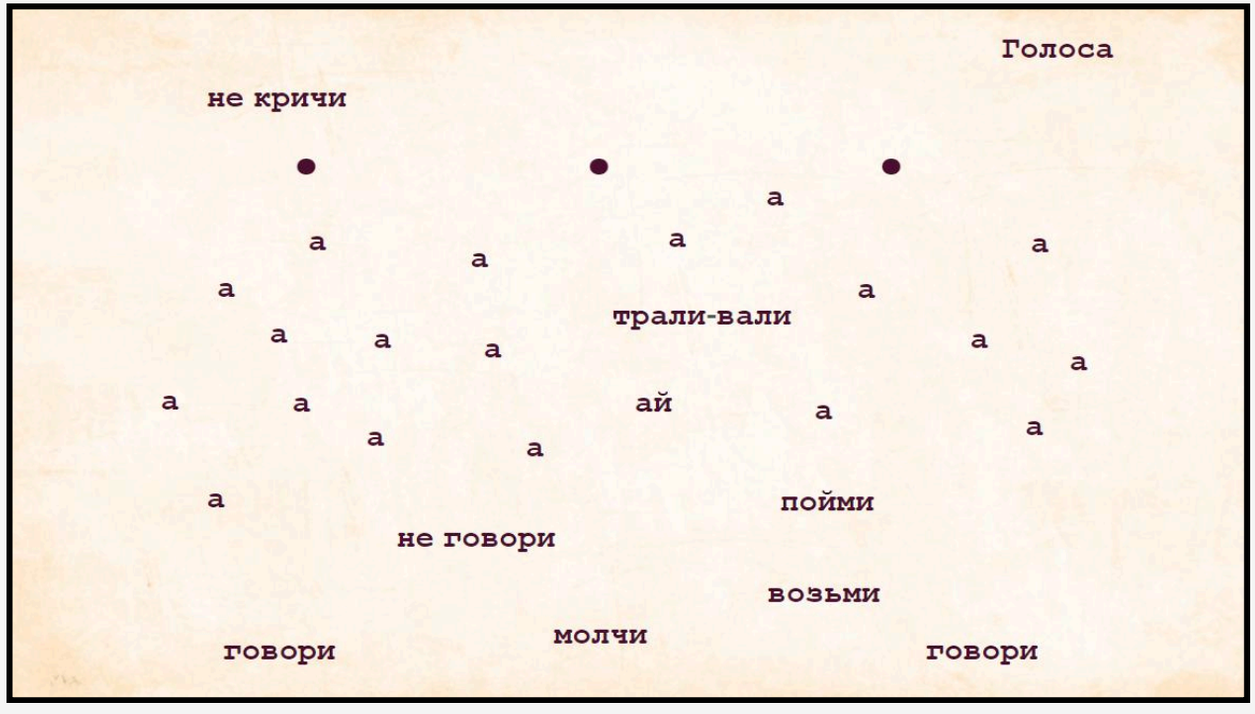
Как дети

Из «Верлибров о несвободе»

«Будьте как дети», — сказал нам кто-то,
И мы послушались.
Мы посмотрели на детей
И увидели, что они гоняются друг за другом.
И тоже стали догонять и перегонять.
Мы посмотрели на детей
И увидели, что они лепят из пластилина.
И стали продавать подделки.
Мы посмотрели на детей
И увидели, что они играют в «эники-беники».
И стали играть в демократию.
Мы посмотрели на детей
И увидели, что они рушат песочные замки.
И стали разрушать города.

А потом дети посмотрели на нас
И стали играть
В войну.

Кира Поспелова

Виктория Бирюкова

Юлия Курицына

Второе рождение А. Цветкова: раннее и позднее творчество

статья

Цветков, А. Сборник пьес для жизни соло — Ann Arbor (Mich.) : Ardis, 1978.
Цветков, А. Сказка на ночь : стихи — М. : Новое издательство, 2010.

Алексей Петрович Цветков был лидером объединения «Московское время». В 1970-е Гандлевский, Кенжеев и другие авторы нашли друг друга. Группа училась у лучших (Ахматова, Гумилёв) и культивировала акмеистскую точность, «прекрасную ясность». Ранние стихи Цветкова написаны силлабо-тоническим размером, с традиционной пунктуацией, ритмом и рифмой. Но его метод изменился после семнадцатилетнего перерыва.

В одном из интервью писатель упомянул, что его возвращение — это проект. Цветков намеревался стать лучше и наконец нашёл себя и свой потерянный «контекст». Новые стремления влияют на его стиль. В статье я сопоставлю особенности ранней и поздней лирики А. Цветкова на материале двух сборников — «Сборник пьес для жизни соло» (1978) и «Сказка на ночь» (2018).
Одна из центральных осей сравнения — пунктуация. Какой она была и какой стала? Наличие знаков препинания — норма, а не отличительный признак. А позднее творчество экспериментально: поэт отказывается от заглавных букв и знаков препинания.

«Сборник пьес для жизни соло» (1978):

«Гарь полуночная, спелёнутая тишь,
Ревизия пропорций и расценок.
Взойдёт луна — и сослепу летишь,
Как комнатная птица, головой в
простенок.»

Запятая после слова «тишь» разграничивает образы, точка указывает на законченность мысли, тире — на смысловую связь между частями высказывания. В поздних текстах всё иначе:

«видел жука и лошадь говорит большая
как слон но после операции вернулся
в гипсе и как мы с люсей молчит не мешая
в книжке пишут про партизана уверяют»

(Сборник «Сказка на ночь» (2008))

Анжамбеман сбивает с мысли: строка закончилась, а мысль — нет. Теснота смыслового ряда и внешняя монотонность повышают вес каждой семантической единицы. Читатель не успевает за скоростью развития лирического переживания и пытается догнать, понять, ухватиться за искорку-мысль ребёнка. Причём пишет это стихотворение уже зрелый поэт. «в день когда умер сталин нас носили мыться» — в тексте позднего Цветкова пунктуация уже невозможна, однако раньше она была главным его инструментом для выстраивания целостности повествования.

Автор обновляет стиль, отказывается от знаков препинания, а кто говорит в стихотворении? Субъектная структура изменяется от сборника к сборнику: если в раннем стихотворении «Гарь полуночная, спелёнутая тишь…» это второе или третье лицо, то в поздней лирике — первое. Анализируя «Сборник пьес для жизни соло», можно заметить, что в нём лирический субъект смотрит на мир вместе с кем-то. Это может быть собеседник или читатель. Субъект не участвует в действии, а только находится рядом: «И будешь ты грустна…», «Ответь, симпатичный подросток…», «Ступай же домой, незнакомец». В поздней лирике субъект телесен: например, в стихотворении «То не ветер» это конкретный ребёнок, который переживает день своей жизни. «почему именно ежами этот день я / запомнил поскольку сталин и мы лежали / в мыле дети эдема в день грехопаденья» — автор рефлексирует, а не пытается искусственно создать ситуацию.

На это влияет и автобиографизм. Так, Цветков оживляет нарисованную картинку — его стиль меняется вместе со взглядом на мир. Ранний поэт знает и говорит, а поздний — помнит и пытается воспроизвести прошлое. Замкнутость, неучастие субъекта в «Сборнике пьес…» отражается на композиции.

Ярче всего мотив несвободы проявляется в тексте «Гарь полуночная…». Начинается он с сужения пространства: «спелёнутая тишь» — то есть обездвиженная. Ощущение несвободы создаётся и с помощью кольцевой композиции. Кульминацией становится полное её осознание: «…нельзя уйти / И тяжело, немыслимо остаться». Лирическому субъекту тесно, и эта замкнутая рамка не даёт повествованию литься свободно.

Поздняя же лирика — чистый поток сознания. Нет привычного композиционного членения композиции, нет предсказуемого маршрута. Кроме того, стихотворение «То не ветер» не вписывается в силлабо-тонику: поэт экспериментирует со слогами в стихотворении, добиваясь точности, прерывистости детских воспоминаний. Свобода выражения — то, что и было целью проекта Цветкова. Писатель отпускает читателя в свободное плавание, как когда-то отпустил себя после семнадцатилетнего перерыва.

Но в сборниках есть общее: монотонная интонация и детали быта, голос автора: «Как комнатная птица, головой в простенок», «лошадь говорит большая / как слон». Здесь точность наблюдения не является инфантильностью. В мелочах проявляется то, что авторский голос сохраняет на протяжении десятилетий.

Проект Цветкова оказывается шансом снова встроиться в «контекст» и продолжить творить. Единственной возможностью честности с читателем становится свободная форма изложения мысли. Нельзя сказать, что ранний Цветков лучше позднего — он разный. Его второе вхождение в литературу стало для него вторым дыханием, которым он смог рассказать о себе в прошлом без страха и рамок.

Город, который снится

Здесь горы обнимают море
И пальмы шепчутся с волной.
Закат горит на косогоре,
Окрасив город бирюзой.

По набережной люди бродят,
Вдыхая утренний туман.
Здесь даже чайки хороводят,
Как будто это их роман.

Магнолий сладкое дыхание
Плывёт по улицам ночным.
И моря вечное сияние
Становится почти родным.

Ривьера, парки, кипарисы
И белый камень у воды.
И Сочи — южная царица,
Хранящая свои сады.

Пусть осень, пусть зима стучится,
Я знаю — здесь тепло всегда.
Мне этот город будет сниться,
И я вернусь ещё сюда!

Лилиана Миниахметова

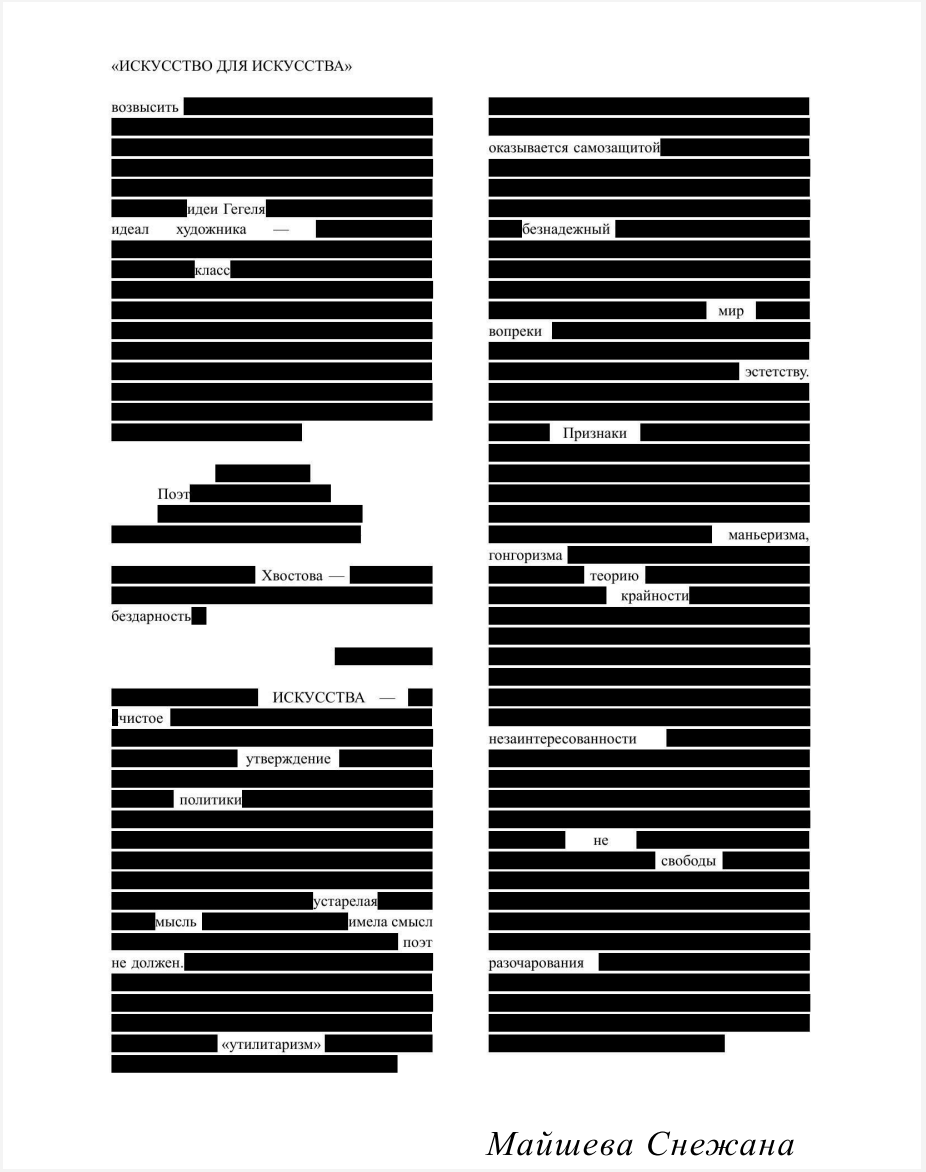
Хотелось

Н
У

Смотрю как в бе**З**дну я
Чрез тёмную р**А**му
На город уСнуВший
На н**Е**мую панораму
Ночь погло**Т**ила меня
И время зажа**Л**о
Меня как между ст**О**лбами

Алиса Шаймуратова

Майшева Снежана

«ИСКУССТВО ДЛЯ ИСКУССТВА»
возвысить
идеи Гегеля
идеал художника —
класс
Поэт
Хвостова —
бездарность
ИСКУССТВА —
чистое
утверждение
политики
устарелая
мысль имела смысл
поэт
не должен.
«утилитаризм»

оказывается
самозащитой
безнадёжный мир
вопреки
эстетству.
Признаки
маньеризма
гонгоризма
теорию
крайности
незаинтересованности
не
свободы
разочарования

Майшева Снежана

Алиса Шарапова
«Мы были списаны в утиль, а оказались солью мира»
рецензия

Ярцев, Р. Свалка : стихотворения и поэмы — М. : Формаслов, 2023.

Ростислав Ярцев — поэт и исследователь когнитивной поэтики, выпускник филологического факультета МГУ. Предмет этой рецензии, вторая книга автора, увидел свет в 2023 году. Сборник разделён на четыре смысловых части: «Сад», «Лес», «Город» и выведенная в заглавие (ввиду чего ключевая для понимания авторского замысла) «Свалка» — и представляет собой движение от абсолютной гармонии райского сада через «жирную мглу» леса и города к скоплению разнородных вещей, пространству непостоянства формы и сути: «Назавтра станешь светом / и радиоволной».

В послесловии Ольга Балла-Гертман замечает: лексический состав текстов меняется от начала книги к её концу с нарочито усложнённого («карагач, земляника, ясень — сплошной просвет / и изгиб — нивяник, иволга ивняка») к незамысловатому, аскетичному («У меня забрали тебя. / У тебя забрали меня. / Как же мне теперь без тебя? / Как тебе теперь без меня?») Эта лексическая простота, абстрактность, недоговорённость в сочетании с религиозными мотивами сближает некоторые стихотворения сборника с поэзией белоэмигрантского объединения «Парижская нота», в особенности Юрия Мандельштама, реже Георгия Адамовича:

«Светлы и крепки, спасены,
взойдёте лествицей незримой
в пределы верной тишины
и хлебом станете, и глиной.»

Однако неверно было бы выводить истоки поэтики Ярцева только из литературы русской эмиграции, когда есть и более очевидный предшественник — ленинградский андеграунд. Заглавное стихотворение

предваряется эпиграфом из Елены Шварц: «Нет сил воспеть тебя, прекрасная помойка!» и свойственную ей физиологичность, переходящую в метафизичность, можно найти в самом тексте:

«Выстрели в ногу — и напишешь стихотворение.
Разверти мозги заточкой — и познаешь мир.
Из позвоночника мысли
вырастут сваи божественной поэмы.»

Стихотворение как таковое автором напрямую называется помойкой, то есть нагромождением случайных звуков, слов, смыслов. Теряя привычную отрицательную окраску, этот образ переходит из одного текста в другой — внутренняя диалогичность сборника, вплоть до повторения конкретных фраз в разных стихотворениях, подтверждает слова Ольги Балла-Гертман о том, что «книга в целом, не говоря уже об отдельных вошедших в неё текстах, выстроена очень продуманно и чутко»:

«Мне жаль что сердце не железка
ему б на мусорке лежать
от ледяного ветра резко
топорщиться и дребезжать.»

На примере этого краткого произведения можно выделить некоторые черты поэтики Ярцева: немногословность, естественность речи (здесь она заключается в употреблении разговорного слова «железка»), активное использование аллитераций. Перенасыщение отдельных стихотворений звукописью, однако, не способствует, а препятствует их восприятию читателем, создавая ощущение намеренности, форсированности. Поэзии автора в общем свойственна лёгкость, граничащая с небрежностью, и оттого чрезмерной, неуместной выглядит звукопись в *** («Речь раскурочена, и клочьев не собрать»):

«Где мне вручат отчаянье судьбы?
Окончена печаль, и я отчалю.

Торчат неисчислимые столбы.
Молчит печать. И плачу, как в начале.»

Но есть и вещи, однозначно удающиеся Ярцеву лучше, чем большинству современных поэтов: поэтика метаморфоз, соприкосновение и взаимопроникновение конкретного и абстрактного (встречаются и примеры того, что литературоведы называют метаметафорой или метаболой — тип художественного образа, раскрывающий взаимопричастность, взаимопревращаемость явлений), религиозная (не всегда напрямую) образность. Определённо удачны, на мой взгляд, стихи-рассуждения о языке и поэзии, отвергающие пренебрежительное отношение к речи, распространённое в литературе из-за традиции невыразимого:

«Казалось нам, что мы наказаны
словами низкими и грязными,
а это музыка была,
сияние живого разума,
его великие дела.»

«Свалка» Ростислава Ярцева — искусно выстроенный, сложноорганизованный поэтический сборник, воссоздающий библейский сюжет об изгнании человека из райского сада, сочетающий традиционную силлабо-тоническую форму и вневременной образно-мотивный ряд большинства стихотворений с современными методами высказывания.

Размышления из подвала

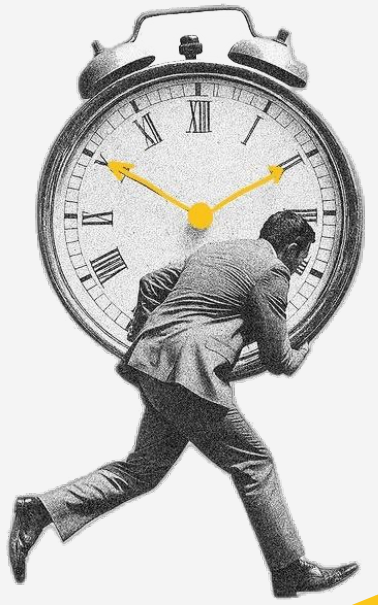
Страданьем кормится поэт,
А голодом?
Он морится
И пишет преданный сонет.
Мы подвальные блохи,
Мы подвальные боги,
Безумны,
Дела наши плохи.
А есть ли смерть?
Детерминически доказано,
Что мы умрём,
Но есть ли круговерть?
Озёра — лишь слёзы,
Несчастия нет,
Оно просто сказки,
А в море есть розы,
А смерти нет.
Сансара — бред.
А был ли Бог?
Возможно, был,
Мечтал,
Как клевер, сох.
А мы тогда кто?
Просто люди,
Мы — атомы,
Мы просто что?

Мы реквием эволюции,
Глупость,
Безбожие,
Бесстрашие революции.
Я — рентген, тела нет,
Обведённая мелом
Лежит душа,
Мой напускной пафос — бред.
В рифмах есть заумь,
В зауми нет рифмы,
В нас нет нас,
Хорошо там, где бьёмся оземь.
Абсурд, сатира, драма —
Волосы и вены в красный,
Я что-то чувствую…
Что скажет Далай-Лама?
Стихи цикличны,
А жизнь?
Невозможна,
Батарейки вторичны.
Лозунги справа, слева
Плывут, зазывают,
Помогите, тону,
Я падшая Ева.
Поболит и пройдёт,
А смерть-то была?
А я есть?
Кто-то придёт?

Сознание есть,
Служит инстинктам,
Беспамятство,
Добрая весть.
Постучись в мою дверь —
«Вы верите в Бога?»
Весь мир — интертекст,
В лучшее верь.
Разум в Марианской впадине,
Пора заканчивать
Меня или стих?
Моё детство в ссадинах.
Быть или не быть?
Выбор без выбора,
Я виноват,
Не умею любить.
А смерть была?
Сидит со мной,
Шепчет рифмы,
Уже три часа как всплыла.
Времени нет,
Это материальная точка
Без массы,
Сколько мне лет?

Виктория Бирюкова

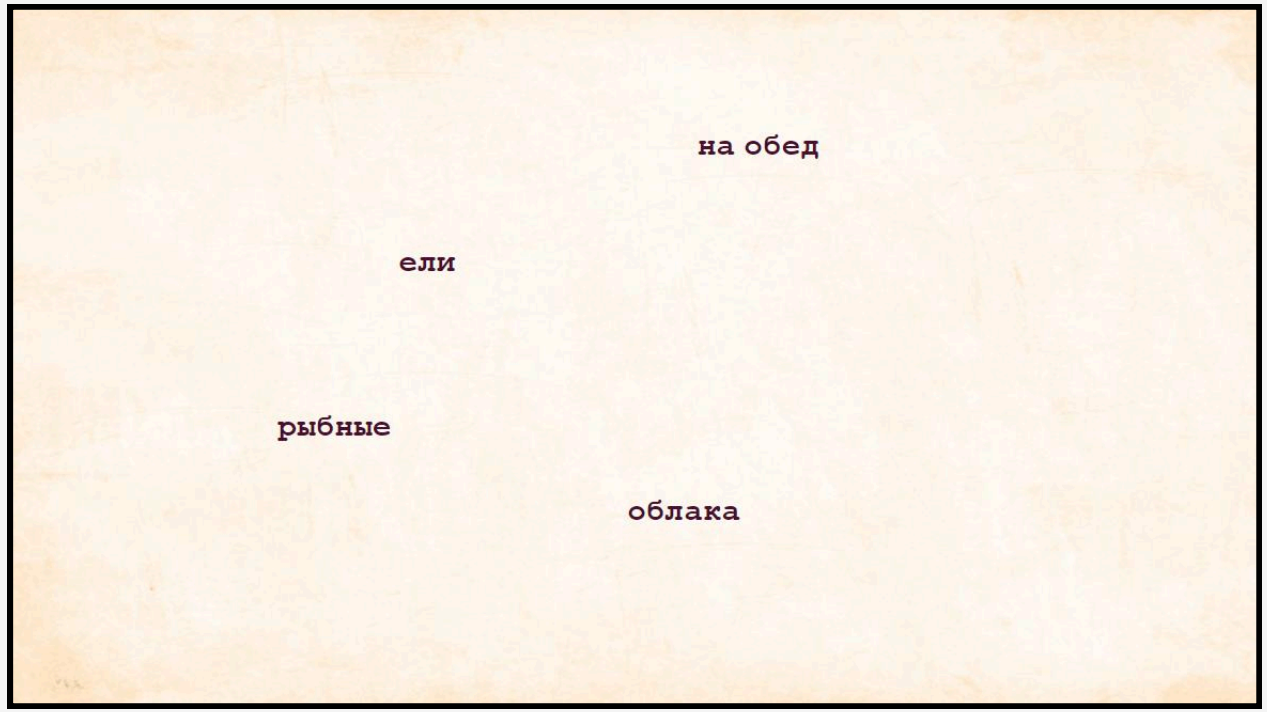

София Колеватова

Сушка пропала

София Колеватова

Варвара Рыбина

Арина Балакина

Б а л а к и н а
Бал — а Ника?
А албанки?
Балка Ани-
Ака-блин, а?
Банка ила.
Ил кабана.
Кабана ли?
Ба! Калина!
На Бали-ка!

Максим Вотинцев

Вотинцев.
Цвет. Вино.
Воин. Цвет.
В Вето — ниц —
Вотинцев.
Ни цветов.
В цито вен —
Вотинцев.
Те — в винцо.
Вицев тон —
Виво. Цент.
Вотинцев.
В-воет ниц.
Вот и Цвен!
Твои, Цвен!
Цвен овит.
И цвет нов —
Вотинцев!

Елизавета Головина

Головина
Волна — иго,
Нога — лови!
Гони вола!
Иволга — он,
Олива — гон,
Г-о-л-о-в-и-н-а!
Вино гола.
Вал и, о, гон.
Гол и нова,
Нагло вио.
Головина —
Логинова!

Арина Жигадло

Арина, ори на
Рину,
Не ори на меня
Арина — арии, и раны,
и рифмы.
Наивна? Ни разу!
И ра — не Ира,
И мир — не мираж.
Амон ра
Сделал круг
Вокруг мира.

Юлия Лаврова

Лава, ров —
Лаврова.
— А вор? А вал?
Рал — Овал.
А во врал!
Лова рва,
Рво вала.

Варвара Рыбина

На рыбе
Барыни,
Рабыни,
Барины
И раны.

На рыб — и
В Иран бы!

Юлия Курицына

Циркули на я
Я юна, Курицына
Куцая ария
Юк, цари луны и я.

Лилиана Миниахметова

Миниахметова
Мини + Ахмет
Мина + Хметова
Ахмет + Минова
Минахмет + Ови
Тихон + Мамева
Матвеи + Миноха
Ахмет + Минаво
Хамет + Минови
Минохмет + Ава
Мати + Хенова
Витамин + Моха
Моха + Витамин
Тмин + Мохаева
Мох + Витамина
Вина + Мохмета
Химе + Миновата

Алиса Шаймуратова

Врата в май... Шу!
Шаурма — товар.
Шаймуратова!
Рай шутов. Мау!
У той шрам... ура!
Шум-трава, йо!
Шаймуратова!

Заключительное слово

Дороги имеют особенное свойство — заводить туда, куда попасть никто не планировал. Погоня за вечностью исключением не стала. Разве вы не заметили этого?

Погрузившись в чтение нашего альманаха, вы нашли самый верный способ испытать на себе действие анахрона. С вами были проводники — авторы, которые маячили где-то за плечом и направляли ваш взгляд. Вы, сами того не осознавая, вышли в вечность и попали в гости к творческому безвременью. Это получалось и будет получаться у каждого, кто доверится эстетическим порывам.

Время может растягиваться, сжиматься, закручиваться в спираль. Его можно даже поставить на паузу. Признаться, мы, авторы альманаха, иногда балуемся и останавливаем ход бытового времени для каждого, кто садится за чтение. Отведённые нам годы когда-нибудь истекут, но если однажды вы затоскуете по миру вечному — не бойтесь открыться искусству.

Самые хорошие истории всегда конечны и в то же время не имеют границ, как и та, которая рассказана в «Анахроне». Здесь есть своя уютная атмосфера, которую не хочется покидать. Вы непременно можете вернуться сюда снова, но сейчас наступило время прощаться. И напоследок процитируем одного хорошо известного вам человека: «Читатели избавят меня от излишней обязанности описывать развязку».

До скорых встреч. Крутите свой маховик времени и помните… Тик-так, тик-так, тик-так!..

Над альманахом работали:

Главные редакторы: Жолобова Мария, Иванов Кирилл, Жигадло Арина.

Литературные редакторы: Курицына Юлия, Головина Елизавета, Бирюкова Виктория, Колеватова Софья.

Корректоры: Рыбина Варвара, Майшева Снежана, Балакина Арина.

Дизайнеры: Арцибашева Анастасия, Шипунова Злата, Лаврова Юлия.

Верстальщик: Вотинцев Максим.

Пиар-менеджеры: Шаймуратова Алиса, Миниахметова Лилиана.

Руководители: Саленко Ольга, Галимуллина Камила

